
ОГОНЁК
№ 44 ОКТЯБРЬ 1957
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

Легендарный крейсер «Аврора».

Фото Дм. Бальтерманца.

На первой и последней страницах обложки: **Б. А. Зеленский.** «ВЗЯТИЕ ЗИМНЕГО».

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ОГОНЁК

№ 44 (1585)

27 ОКТЯБРЯ 1957

35-й год издания

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Слава Коммунистической партии Советского Союза — вождю Октябрьской революции, великому вдохновителю и организатору строительства социализма и коммунизма в нашей стране!

Из призывов ЦК КПСС к 40-й годовщине Великой Октябрьской социалистической революции.

Дома, которые вы видите на этом снимке, появились тут совсем недавно. Еще полгода назад на месте крайнего четырехэтажного дома был пустырь. Теперь здесь в благоустроенных квартирах живет 50 семей уралмашевцев. Они построили этот дом своими силами. Вскоре после окончания строительства к фасаду нового дома прикрепили табличку: «Улица 40 лет Октября». Так была названа эта широкая магистраль по единодушному желанию ее новоселов.

Улица, названная в честь сорокалетия Великого Октября (она скоро станет одной из красивейших магистралей Свердловска), — одна из многих сотен улиц, недавно появившихся в городах Советской страны. Нет, пожалуй, у нас такого города, где бы в предпраздничные дни люди не справляли новоселья.

Фото И. Тюфякова.

Октябрь изменил облик советских городов и сел. Давным-давно устарели путеводители по старым городам России, и каждый год советского бытия побуждает картографов наносить новые кружки на географические карты: родились новые города, районные центры, рабочие поселки. За годы Советской власти более чем в три с половиной раза увеличился городской жилищный фонд.

В канун славного юбилея — сорокалетия Октября — партия и правительство приняли историческое постановление о ликвидации в ближайшие 10—12 лет недостатка в жилищах для трудящихся. Грандиозная эта программа уже воплощается в жизнь. Набирают темпы строители жилищ в Москве и Красноярске, Омске и Свердловске, Иванове, Ярославле, Челябинске.

Близко к сердцу принял советский человек призыв ЦК КПСС к сорокалетию Октября:

— Выполним великую программу Партии и Правительства по жилищному строительству!

Разговор в Даун Тауне

Вадим КОЖЕВНИКОВ
Специальный корреспондент «Огонька».

Фото А. Лыткина.

В то время как многие передовые деятели США видят в запуске советского спутника призыв ко всему человечеству мирно сотрудничать во имя великих общих целей, американские агрессивные круги волнует только способ, каким был доставлен спутник на орбиту: они мечтают использовать подобный вид транспорта для ядерного оружия. Очевидно, психология троглодитов слишком укоренилась за последние годы у подобных деятелей, и им трудновато от нее исцелиться. Некоторые из них даже высказывали предположение, нельзя ли перехватить советский спутник с помощью управляемой ракеты... И надо сказать, это уже удалось недавно сделать одному из жителей Клифтона (штат Нью-Джерси). Обозревая в бинокль небо над рекой Пассейк, сей житель внезапно увидел спутника, как сообщают газеты, висевшего в воздухе на высоте 100 футов. На одной стороне спутника, имевшего шарообразную форму, были отчетливо видны буквы «СССР». Житель позвонил в полицию, немедленно прибыли наряды из Клифтона и Гарфилда. Им удалось установить, что спутник был привязан бечевкой к земле и создан местными школьниками, украсившими его буквами «СССР»...

Действительно, сейчас нет в США американца, который бы не говорил, не думал вслух о советском спутнике.

Нам довелось в эти дни беседовать со многими жителями Нью-Йорка. И должен признаться, что сейчас завязывать такие беседы стало значительно проще: «Красная Луна» словно волшебной силой сблизила человеческие сердца.

В празднование Дня Колумба я стоял на 5-й авеню в толпе и смотрел на живописное шествие демонстрантов. Если бы не было слишком уж много молодежи в военных мундирах и с оружием, зрелище могло бы стать совсем жизнерадостным.

Говорят, что в прежние годы этот праздник не сопровождался таким милитаристским убранством. И американские подростки не играли столь старательно в солдатики. Но как бы там ни было, молодежь всегда вызывает симпатии, и колонна веселых американских школьников напомнила мне наших ребят в дни праздңеств. Я сказал об этом своему товарищу. Русские слова привлекли внимание, и непроизвольно завязался разговор с пожилым американцем, преподавателем Бруклинского колледжа. Он сказал, кивая головой на детей: «Во имя их я готов стать последователем мистера Хрущева и полностью разделяю его предложение — жить без войны, на основе мирного соревнования». Обращаясь к своей жене, словно ища у нее подтверждения, учитель добавил: «Это место в беседе Хрущева с Рестоном мы перечитывали вслух. Если таково намерение вашей страны, мы не можем не выразить своего одобрения».

Я осторожно заметил, что таково пока лишь наше предложение, а ответа на него нет.

Американский учитель задумался, потом решительно заявил: «Ваш лидер сказал, что сейчас единственно возможная политика — это мирные переговоры. Когда такие слова произносит человек после т а к о г о,— учитель показал глазами в небо,— то это слова сильного человека, не желающего злоупотреблять силой, и им нельзя не верить». Наклонившись ко мне, он произнес весьма выразительно: «У меня четыре мальчика, но я убежден, что ни один из них никогда не наденет военный мундир». И добавил твердо: «Можете передать об этом мистеру Хрущеву, это главная уверенность, которую я обрел из его беседы с Рестоном».

Район Даун Тауна совсем не похож на 5-ю авеню. Здесь живут люди, добывающие средства к жизни тяжелым трудом. Здесь много мелких лавчонок, в которых торгуют копиями тех вещей, которые продаются в центре; только сработаны эти копии из эрзацев. Здесь, например, можно за несколько долларов одеться так же, как одевается Рокфеллер, но больше недели эту одежду не проносишь: она превратится в вылинявшее, расползающееся тряпье. Здесь это называется потребительским демократизмом. Но более практичные жители этого района предпочитают покупать на местной Сухаревке уже проверенную в носке одежду, хотя в ней и не обретешь сходства с обитателями Парк-авеню или 5-й улицы.

Мы зашли в кафетерий, где на высоких табуретках сидели люди, положив на стойку тяжелые, усталые руки, и слушали музыку. Русская речь, как всегда, сразу была услышана. Один из посетителей повернулся к нам и, ткнув меня в грудь пальцем, серьезно, без всякой улыбки спросил: «Рашен спутник?» Услышав ответ, что мы действительно «рашен», но вовсе не спутники. человек все-таки упрямо повторил: «Спутник, спутник» — и, обращаясь к своим приятелям, сказал радостно: «Это же настоящие русские, которые делают луны». И, хлопнув большой ладонью по стойке, потребовал всем налить пива, объявив: «За спутников!».

Наклонясь, он добавил доверительно: «Я не знаю всего, о чем говорил ваш Хрущев с этим парнем из «Нью-Йорк таймс», но наши ребята на фабрике только об этом и толкуют. Мне не довелось прошлый раз поглядеть Хрущева в телевизор, но те, кто его видел, рассказывали: веселый! Но строгий! Простой человек, который знает, как отвинтить или завинтить гайку и что хлеб растет не в булочной. Ведь так?» — обратился он к соседу. Сосед помедлил, потом произнес задумчиво: «Он сказал, что нет ничего дороже человека»,— и пояснил строго, будто кто-то сомневался: «Это я прочел своими глазами в газете, которая не любит коммунистов». И тут же поспешно добавил: «Я тоже с ними никогда не водился и водиться не собираюсь, но после таких слов стоило бы отрастить длинную руку, чтобы протянуть и пожать его руку». Потупился и произнес глухо: «А у нас человек стоит столько, сколько у него в кармане»...

Рыжеватый парень в клетчатой рубашке и в синих рабочих штанах, игравший до того в карты, подошел к нам и, засучив рукав, показал на руке след от сквозного пулевого ранения. «Гитлер,— объяснил он со злобой.— Гитлер!» И потом, обращаясь к сидевшим за стойкой, выкрикнул с горечью: «А сейчас западные немцы — наши самые закадычные друзья! Они маршируют с нашим оружием. Как это назвать?» Выждал немного, потом продолжал гневно: «Делаем мы из Аденауэра нового Гитлера или не делаем? Делаем!» И, показав сначала на раненую руку, потом на грудь, заключил: «А я не хочу этого повторять. Пусть наши политики попробуют на себе эти дырки. Тогда мы все останемся целыми».

Тогда тот, который первым обратился к нам, поднял бокал с пивом и предложил: «Ну, давайте за то, чтобы было так, как хотят те, кто знает, куда надо крутить гайку и что хлеб не делают в булочной». Все чокнулись, выпили. Мы простились с нашими случайными знакомыми и пошли к автобусу.

Погасли огни в витринах лавчонок, слепо светили уличные фонари, было пустынно на улицах. Здесь трудовые люди рано ложатся спать. Один из посетителей кафетерия, провожая нас, сказал сокрушенно: «Приду домой, скажу: видел настоящих спутников — ведь не поверят!»

На обложке моего блокнота был оттиснут силуэт Спасской башни. Я оторвал обложку и, протянув американцу, спросил: «Может, сойдет как вещественное доказательство?» Он долго, внимательно разглядывал этот кусочек картона, потом бережно спрятал его в карман и, повторив то, что его так сильно волновало — «Нет ничего дороже человека»,— подняв голову, произнес: «Это очень хорошо сказано».

Нью-Йорк, 17 октября.

Памятник Витусу Берингу

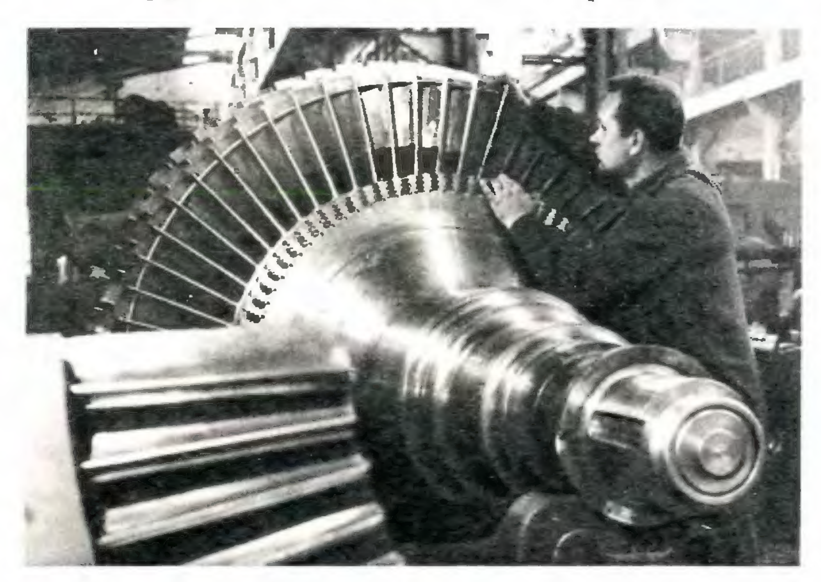
В городе Хорсенсе (Дания), на родине великого полярного исследователя и мореплавателя Витуса Беринга, торжественно открыт памятник — две пушки с русского корабля «Святой Петр». Пушки были переданы Советским правительством в дар датскому народу во время пребывания в Копенгагене группы кораблей Краснознаменного Балтийского флота в августе прошлого года. Они установлены во вновь открывшемся городском парке.

На снимке: на открытии памятника. Выступает известный датский физик-атомник, лауреат Нобелевской премии Нильс Бор.

Т. СЕТИН

Перед великим праздником

Трудовые победы ленинградцев

Слесарь-сборщик В. Морозов собирает ротор газовой турбины.

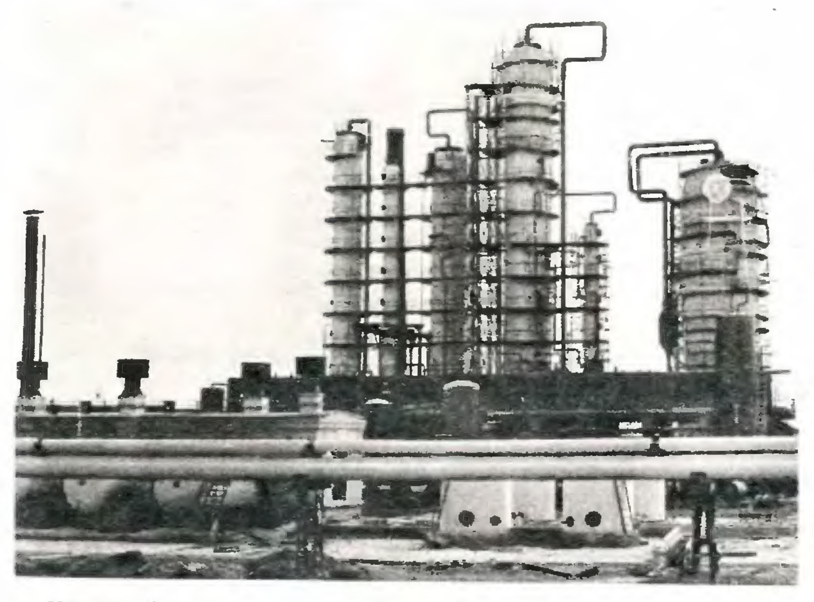
Фото Б. Уткина.

По цехам Невского машиностроительного завода имени Ленина разнеслась радостная весть — социалистическое обязательство к 40-й годовщине Октября выполнено: одна из первых в стране газотурбинных установок, работающая на доменном газе, готова. Этот агрегат — один из серии машин нового газотурбинного производства, успешно развивающегося на заводе. В цехах сейчас ведется обработка деталей турбины, которая будет работать на природном газе. Изготовляются газовые турбины энергопоездов.

К празднику завод получает донесения о трудовых победах своих посланцев в разных городах страны и за ее рубежами. В Кустанае ленинградцы сдают в эксплуатацию новый турбогенератор. На металлургическом заводе в Сталино — мощную турбовоздуходувку. И вот телеграмма из Китая: шеф-монтер Виталий Князевич сообщает об окончании сборки на одном из заводов Китая трех турбовоздуходувок. В Новой Гуте — крупнейшем металлургическом комбинате Польши — к празднику вступает в строй изготовленная заводом воздуходувка новой конструкции.

К. КОНСТАНТИНОВ

Нефтеперерабатывающий гигант

Мощные башни в строительной опалубке, огромные баки, колонны и трубы... Трубы, идущие горизонтально, вдоль земли, и поднятые вверх... Так выглядит один из объектов нового нефтеперерабатывающего гиганта, сооружаемого в Сталинграде. На атмосферно-вакуумной установке, изображенной на этом снимке, будет происходить разделение нефти на составные ее фракции: бензин, керосин, дизельное топливо...

— Эта установка находится сейчас в опробовании,— сообщил нашему корреспонденту главный инженер треста «Сталинградтяжстрой» П. В. Гостхоржевич.— Заканчиваются работы на очисных сооружениях, подготавливается база для приемки и отправки нефтяных продуктов, строится жилой городок. Для питания завода водой на Волге создано мощное водозаборное сооружение, от реки проложен водопровод. Уложены десятки километров различных трубопроводов; ими можно было бы несколько раз опоясать Сталинград.

Строители трудятся день и ночь, чтобы к 40-летию Великого Октября закончить работы первой очереди. Через несколько лет завод будет действовать на полную мощность. Тогда он станет крупнейшим нефтеперерабатывающим предприятием страны.

Фото С. Курунина.

АРАБЫ ЗНАЮТ СВОИХ ДРУЗЕЙ

— Мы, арабы, очень любим Советский Союз,— начал Аббдулла Мохаммед, прикладывая руку к груди. — Любим как друга.

Аббдулла Мохаммед приехал из Саудовской Аравии на IV Всемирный конгресс профсоюзов, который недавно окончился. Сейчас разговор идет о недавнем интервью, которое дал Н. С. Хрущев корреспонденту газеты «Нью-Йорк таймс».

— Нам было очень приятно читать это интервью,— говорит второй наш собеседник, д-р Бадредин Сибаи из Сирии.— Оно настолько же обрадовало нас, насколько расстроило наших врагов. Оно придает нам новые силы для того, чтобы защищать свою независимость.

— Это интервью,— вновь подчеркивает свою мысль Аббдулла Мохаммед,— подтверждает то, в чем мы всегда были уверены: в дружбе Советского Союза. Политика СССР всегда на стороне народа, всегда поддерживает справедливую борьбу за независимость. Мы знаем, что советский народ был на стороне арабов, когда в 1919 году в Египте началась революция, когда в 1925 году против империалистов поднялся народ Сирии. Советская политика была на стороне сирийского народа и тогда, когда он боролся против английских и французских империалистов в 1946 году. В памяти каждого из нас никогда не изгладится и то, какую позицию занял Советский Союз во время недавней агрессии против Египта.

В беседу вступает руководитель профсоюзов нефтяной промышленности Сирии Омар Сибаи.

— С Советским Союзом, с другими демократическими странами мы дружим на основе равноправия,— говорит он.— Не так давно Сирия хотела купить оборудование для нефтеочистительного завода. Среди стран, которые предложили продать такое оборудование, были и США. Но им совсем не улыбалось, чтобы мы сами обрабатывали нефть, поэтому цены они запросили огромные. Наша страна купила оборудование у Чехословакии.

Наш народ не дал себя запугать. Прогрессивные партии Сирии объединились в один блок, а правительство продолжает вести независимую политику. В Сирии живет всего 4 миллиона человек, но мы знаем, что нас поддерживают такие могущественные страны, как СССР и КНР, все честные люди, которые хотят мира. Поэтому мы непоколебимы в решимости защищать независимость.

Моряки сирийского военно-морского флота готовы к защите независимости.

Фото П. Веричука.

Мы просим рассказать о том, как относятся сирийцы к советским людям.

— О, для этого нужно найти самые красивые и яркие слова,— отвечает Маджа Саати Сибаи, супруга д-ра Бадредина Сибаи...

В заключение мы спрашиваем арабских друзей, что они хотели бы передать читателям «Огонька». Они совещаются некоторое время, потом говорят:

— Наша борьба и ваша борьба за мир — это одно и то же. Мы едины в этой борьбе. Пусть каждый знает, что, работая для укрепления дела мира, он поддерживает и нашу борьбу...

А. СЕРБИН,
специальный корреспондент «Огонька».

Лейпциг.

Гости «Огонька»

В Советском Союзе гостила делегация Каирского муниципалитета, возглавляемая председателем административного совета муниципалитета генерал-губернатором Каира Абделем Фаттахом эль-Бендари. Члены делегации посетили редакцию журнала «Огонек». В состоявшейся беседе они просили передать слова привета и поздравления с сорокалетием Октября читателям «Огонька», всем гражданам Советского Союза от жителей столицы Египта — Каира.

На снимке: гости из Египта в редакции журнала «Огонек». Слева направо: член Каирского муниципалитета Абдель Менгали; председатель административного совета муниципалитета Каира генерал-губернатор Каира Абдель Фаттах эль-Бендари; редактор журнала «Аль-Муссавар» Фикри Абаза; казначей муниципалитета эль-Шайер.

Читатели «Огонька» уже знакомы с успехами животноводов Кубани в экономическом соревновании с американскими фермерами Айовы по производству мяса, молока, масла. Но богатейшие ресурсы Кубани не ограничиваются этим.

Превратить Кубань в край самого развитого садоводства и виноградарства — обсуждению этой большой задачи был посвящен последний пленум Краснодарского крайкома КПСС.

Корреспондент «Огонька» обратился в этой связи с рядом вопросов к секретарю крайкома КПСС Д. С. Полянскому.

КУБАНЬ— КАЛИФОРНИЯ

Д. С. ПОЛЯНСКИЙ,
секретарь Краснодарского крайкома КПСС

Вопрос. Как сейчас обстоит дело с садоводством и виноградарством на Кубани?

Ответ. Я бы ответил на этот вопрос коротко: плохо. Потому-то и была поставлена так резко эта проблема на пленуме крайкома партии. На Кубани под сады и виноградники пока еще занято только 89 тысяч гектаров — лишь 1,9 процента общей пахотной площади. 93 кубанских колхоза вовсе не имеют виноградников, а в 152 хозяйствах площадь под виноградниками составляет менее 10 гектаров на колхоз. И что обидно — эта отрасль сельскохозяйственного производства более всего запущена именно там, где имеются особенно благоприятные условия для ее развития. Я имею в виду такие районы, как Анапский, Белореченский, Крымский, Темрюкский, Тульский, Ярославский — многие, вероятно, помнят знаменитый анапский виноград, белореченские яблоки и сливы.

Но будет неправильно, если читатели из приведенных мною данных сделают ложный вывод, будто на Кубани во всех хозяйствах плохо обстоит дело с садами и виноградниками. Нет, это не так. Есть у нас немало колхозов и совхозов, все богатство которых основано на выращивании винограда, яблок, груш, слив, абрикосов. Вот, к примеру, колхоз имени Ленина в Геленджикском районе. Из общего полученного колхозом дохода в 9,2 миллиона рублей доход от садов и виноградников составляет 8 миллионов. Каждый год виноградники приносят доход — 40—45 тысяч рублей с гектара, или по 180 рублей на один затраченный трудодень. Или другой колхоз имени Ленина — в Анапском районе. Здесь за год предполагают получить от всех отраслей хозяйства доход в 17 миллионов рублей. А от виноградника уже поступило 13 миллионов. Между тем, как говорит председатель колхоза П. Рогачева, они только в этом году «приложили руки к винограду, да и то не по-настоящему». Легко представить, каковы будут тут доходы, когда люди «приложат руки по-настоящему».

Мы хотим, чтобы у нас было вдоволь фруктов, чтобы дети наши не считали лакомством кисть душистого, сладкого винограда, чтобы полная чаша этих чудесных ягод стояла у них на столе: кушайте сколько душе угодно!

Во время своего последнего приезда на Кубань Никита Сергеевич Хрущев подчеркнул особую роль Кубани, Дона, Крыма и Кавказа в выполнении этой важной задачи. При встрече с работниками Темрюкского района товарищ Хрущев сказал, в частности, что надо превратить Тамань в советскую Шампань.

Вопрос. Читателям нашего журнала известно, что в соревновании с Айовой кубанцы борются за конкретные и весьма высокие показатели по производству мяса, молока и масла. Определились ли такие же показатели в соревновании с другими странами мира по производству винограда, виноградных вин и фруктов?

Ответ. Да. По предварительным расчетам, мы должны в течение ближайших 6—7 лет довести площадь под садами и виноградниками до 500 тысяч гектаров. Это в шесть раз больше, чем имеется сейчас. Мы полагаем, что было бы целесообразно 300 тысяч гектаров занять виноградниками, а 200 тысяч — садами. И еще одну задачу ставим перед собой: окультурить около 100 тысяч гектаров дикоплодных в лесных массивах.

Вопрос. Представим, что намеченный план расширения садов и виноградников уже осуществлен. Что это даст населению страны?

Ответ. Вот некоторые расчеты. Если исходить из того, что с гектара сада можно получить 40 центнеров фруктов, а с гектара виноградника — 50 центнеров ягод, то Кубань даст советским людям 800 тысяч тонн фруктов и 1,5 миллиона тонн винограда. Много это или мало? Это столько же, сколько поставляют сейчас все сады и виноградники страны.

Вопрос. Как будет проходить увеличение площадей под сады и виноградники?

Ответ. В разных районах поразному — в зависимости от природных и других факторов. Основными центрами производства винограда должны стать Темрюкский, Анапский, Крымский, и другие районы Азовского и Черноморского побережья, где виноградники неукрываемые, значит, и себестоимость винограда низкая, да и вина тут самые лучшие по качеству. Здесь, может быть, придется пойти на известное сокращение количества скота и посевов зерновых культур, чтобы 50—60 процентов всех площадей занять виноградниками и частично садами. В таких же районах, как Славянский, Тульский, Лабинский, Курганинский, Псебайский, и многих других основной отраслью хозяйства станет садоводство.

Новые сады и виноградники должны располагаться главным образом около хороших дорог, чтобы можно было быстро и без потерь вывозить богатый урожай. Надо, чтобы наши магистральные дороги, шоссе от Краснодара до Ростова, Новороссийска, Усть-Лабы и другие были окаймлены виноградниками, обсажены фруктовыми деревьями и в первую очередь орехоплодными.

Вопрос. Видимо, предполагается широко привлечь к этому делу все население края?

Ответ. Да, и не только к этому делу. Без активной помощи населения нам не удастся превратить Кубань в край высокоразвитого садоводства и виноградарства.

Мы надеемся, что в эту работу активно включатся и школьники. Я пользуюсь случаем, чтобы со страниц «Огонька» обратиться к школьникам. Я помню, это было лет 15—20 назад, когда во многих школах существовала хорошая традиция: приходит ребенок в первый класс и начало своей новой жизни ознаменовывает тем, что с помощью учителя сажает два — три деревца в школьном саду. А потом до дня получения аттестата зрелости ухаживает за ними. Не стоит ли возродить такую традицию? Пусть при каждой школе цветет свой фруктовый сад! В этой связи следует пожелать, чтобы ребята получали в школах хорошую подготовку по садоводству и виноградарству.

На наш взгляд, на Кубани надо пересмотреть программу обучения в сельскохозяйственных институтах и техникумах — увеличить курс по садоводству и виноградарству.

Вопрос. Какие первоочередные практические задачи будут решаться на Кубани в связи с увеличением площадей под сады и виноградники?

Ответ. Прежде всего нужно значительно расширить площади в старых питомниках и организовать новые. Сейчас они дают 2,2 миллиона саженцев, в 1960 году их потребуется 5 миллионов, а в 1965 году — до 10 миллионов. Думается, что здесь не следует ограничиваться государственными питомниками. Почему бы в каждом районе не иметь питомник при крупном колхозе или совхозе?

Другая важная задача — создать в каждом хозяйстве постоянные садоводческие и виноградарские бригады во главе со специалистами.

Немало придется потрудиться механизаторам. Если мы будем ориентироваться на ручную посадку, то, конечно, не выполним намеченные планы. Многое зависит от инициативы работников МТС. В одном из совхозов, например, для посадки саженцев умело приспособили лесопосадочные машины. А почему бы не применить в наших условиях для посадки чубуков гидробуры!

Но одними только своими силами проблемы механизации обработки садов и виноградников не решишь. На страницах «Огонька» садоводы правильно отмечали, что наша промышленность еще плохо удовлетворяет их запросы. Хромает и большая и малая механизация. Отстает и химическая промышленность. Нам кажется, что Госплан СССР должен внести некоторые коррективы в работу тех отраслей промышленности, которые поставляют садоводам и виноградарям машины, механизмы, инвентарь, ядохимикаты, удобрения. Это диктуется новым большим размахом развития садоводства и виноградарства в Советском Союзе. Планы, большие и смелые, намечены не только кубанцами. Нам известно, что и соседи — Крымская, Ростовская области, Ставропольский край — значительно увеличивают площади садов и виноградников. А это потребует много новой техники. Надо подготовить нашу промышленность к приему фруктов и винограда: значительно расширить сеть консервных, винодельческих заводов, построить сотни новых холодильников, помочь в сооружении хранилищ плодов и винограда.

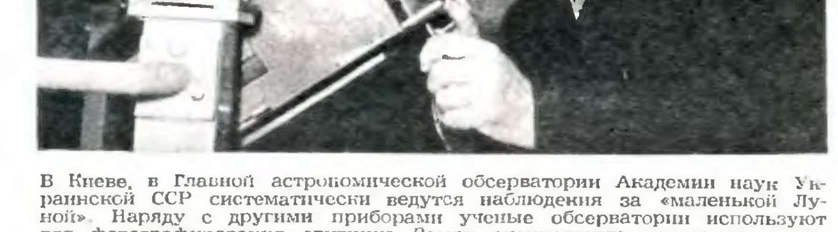
На пленуме крайкома партии товарищи утверждали, что если по-настоящему взяться за дело, так, как взялись за животноводство, то в ближайшие годы мы перегоним другие страны мира по производству фруктов и винограда на душу населения. Директор Краснодарской плодово-виноградной опытной станции тов. А. К. Приймак заявила на пленуме:

— Если наши животноводы борются сейчас за то, чтобы догнать американский штат Айову по производству мяса, молока и масла, то мы, садоводы и виноградари, можем смело вступать в экономическое соревнование с Калифорнией и победим ее!

Сделанное с трибуны пленума, это заявление встретило горячее одобрение кубанцев. Да, мы готовы экономически соревноваться с Калифорнией и убеждены в нашей победе.

Интервью «Огонька»

РАЗВЕДКА глубин космоса

В Киеве, в Главной астрономической обсерватории Академии наук Украинской ССР систематически ведутся наблюдения за «маленькой Луной». Наряду с другими приборами ученые обсерватории используют для фотографирования спутника Земли специальную установку, называемую «метеорный патруль». На снимке: член-корреспондент Академии наук УССР А. А. Яковкин за подготовкой «метеорного патруля».

Фото К. Долина и К. Шамшина (ТАСС).

С. Н. ВЕРНОВ,
член-корреспондент Академии наук СССР

В обширной программе научных исследований с помощью искусственных спутников Земли важное место занимает изучение космических лучей.

В этой области более четверти века трудится Сергей Николаевич Вернов — председатель рабочей группы по космическим лучам Советского комитета Международного геофизического года.

В беседе с корреспондентом «Огонька» С. Н. Вернов ответил на ряд вопросов.

Вопрос. Давно ли известны науке космические лучи и какова их природа?

Ответ. Само название говорит за себя. Излучение, приходящее в атмосферу Земли из космического пространства, открыто учеными-физиками почти пятьдесят лет назад. Было установлено, что космические лучи способны проникать через большие толщи вещества. Но только в 1927 году нашему соотечественнику, ныне академику, Д. В. Скобельцыну удалось обнаружить в составе космического излучения заряженные частицы, летящие со скоростью, близкой к скорости света, и сфотографировать их пути.

Для исследования лучей, приходящих из мирового пространства, физики использовали земной шар как гигантский измерительный прибор. Земля, как известно, обладает магнитным полем, влияние которого сказывается за тысячи километров от поверхности планеты. Наблюдения показали, что благодаря отклонениям в магнитном поле Земли на область экватора приходит примерно в десять раз меньше частиц космического излучения, чем на области больших широт. Ученые установили, что частицы, обладающие положительным зарядом, представляют собой поток ядер атомов различных элементов, главным образом водорода, а также гелия и некоторых других.

Дальнейшие исследования обогатили науку новыми знаниями о свойствах материи. С открытием в космических лучах ранее неизвестных частиц, с выявлением совершенно новых свойств уже известных частиц эти исследования превратились в один из ведущих разделов современной физики.

Вопрос. Что именно интересует ученых, исследующих космические лучи?

Ответ. Исследования идут по двум главным направлениям. Во-первых, физики ставят своей задачей использовать колоссальную энергию частиц космического излучения, естественного, самой природой данного ускорителя, для бомбардировки атомных ядер. Во-вторых, изучая космические лучи, мы постепенно проникаем в глубины космоса, туда, где рождаются эти лучи.

Для решения этой второй задачи необходимо выяснить полный состав первичного космического излучения, приходящего в нашу атмосферу из мирового пространства. Это весьма трудно, так как число космических частиц, падающих на границу атмосферы, невелико — примерно одна частица в секунду на один квадратный см. Совершенно новый подход к решению этой задачи дает создание учеными и инженерами искусственного спутника Земли.

Вопрос. В чем же преимущество спутников перед другими ранее известными средствами наблюдений?

Ответ. Во многом. До сих пор длительное наблюдение космических лучей в стратосфере производилось с помощью шаров-зондов. Однако даже на больших высотах (20—30 километров), помимо первичных частиц, регистрируется также вторичное излучение, возникающее в результате взаимодействия первичных частиц с ядрами атомов, входящих в состав воздушной оболочки Земли. Отделить первичные частицы от вторичных при регистрации их приборами не всегда возможно.

Ракеты поднимают приборы за пределы земной атмосферы, но их пребывание там столь кратковременно, что не позволяет зарегистрировать достаточное количество первичных частиц. Кроме того, полеты шаров-зондов и ракет позволяют охватить наблюдениями лишь определенные пункты земного шара.

На искусственных спутниках Земли приборы будут находиться над атмосферой весьма длительные сроки. За время полета спутника по орбите непрерывные наблюдения первичных космических лучей охватят все районы земного шара. За десять дней вращения вокруг Земли спутник даст больше сведений о космических лучах, чем можно получить от тысяч ракет.

Вопрос. Какие сведения ожидают получить ученые при полетах спутников?

Ответ. Космические лучи по составу примерно соответствуют распространенности данных элементов во Вселенной. Это естественно: чем больше атомов того или иного элемента в космосе, тем большее число ядер таких атомов будет ускоряться и приобретать энергию, чтобы войти в состав космических лучей.

Но могут быть исключения из этого правила. Дело в том, что, путешествуя по Вселенной, космические лучи встречаются с атомами межзвездной среды. Сталкиваясь с ними, ядра атомов сравнительно тяжелых элементов могут разваливаться, и тогда возникнут ядра атомов более легких элементов, например лития, бериллия и бора, распространение которых в космосе ничтожно мало. Таким образом, состав космических лучей может быть и отличен от распространенности соответствующих элементов во Вселенной.

Если будет доказано, что в составе космических лучей есть такие редкие элементы, то, значит, эти лучи долго путешествуют в космосе.

Крайне интересно узнать о присутствии в космических лучах тех ядер атомов, которые наблюдаются редко. Благодаря длительному пребыванию спутника за пределами атмосферы открываются большие возможности для поиска новых компонентов (составных частей) космических лучей, даже если интенсивность этих компонентов мала.

Космическое излучение характеризуется большим постоянством. Тем интереснее наблюдаемые иногда колебания в интенсивности космических лучей. Они дают возможность выяснить характер процессов, которые происходят с космическими лучами на пути от места их зарождения к Земле.

Выявлением этих колебаний занята мировая сеть наземных станций, регистрирующих космическое излучение. Сопоставляя наблюдения станций, ученые не только уверенно устанавливают самый факт колебания интенсивности, но и выясняют, отчего эти колебания происходят. Однако наземные станции расположены по земному шару неравномерно. Приборы же на спутниках за время их движения вокруг Земли посетят почти все районы нашей планеты.

Вопрос. Связано ли космическое излучение с явлениями, происходящими на Земле и в солнечной системе?

Ответ. Да, такая связь обнаружена. На пути к Земле космические лучи подвергаются воздействию магнитного поля Земли, а также электрических и магнитных полей, создаваемых корпускулярными потоками, которые испускает Солнце.

Наблюдая изменения интенсивности космических лучей, мы получаем возможность зондировать магнитное поле Земли на больших расстояниях от нашей планеты. Таким же путем удается получать сведения и о корпускулярных потоках.

Иногда Солнце само является источником космического излучения. Но наземные станции не всегда в состоянии обнаружить эти дополнительные космические лучи. Аппаратура же на спутниках, находящихся за пределами атмосферы, позволит детально наблюдать поведение Солнца как генератора космических лучей, регистрировать даже возникновение слабого космического излучения, исходящего от Солнца.

Несомненно, что в скором будущем наука начнет получать много новых сведений о процессах, происходящих во Вселенной.

ПТИЦА МИРА

ТЯНЬ ЦЗЯНЬ

1

Появилась в небе птица-диво:
По орбите мчится горделиво
И, звезду-соседку обогнав,
За сигналом шлет она сигнал.
Над Пекином пролетает птица,
Миг один — она опять умчится
И в своем движении бессонном
Скоро пролетит над Вашингтоном.

2

Птице мира наши песнопения,
Той звезде, что создана советскими людьми.
Силой человеческого гения
Побеждаем царство тайн и тьмы!
Близок новый дерзкий взлет науки;
Поведем ракеты сквозь созвездий строй.
Марсианам крепко стиснем руки,
По душам поговорим с Луной.
Скажем ей: «Откинь-ка покрывало!
Дерево серебряное где?
Почему его века скрывала
Ты от глаз, пытливых глаз людей?
Скоро светом ты на землю хлынешь,
Оборвим серебряную лунную листву,
И плоды отправишь к Тяньаньмыню
И на площадь Красную в Москву».

Перевел с китайского
Л. ЧЕРКАССКИЙ.

Под знаменем ИНТЕРНАЦИОНАЛИЗМА

1917 год... Сотни тысяч военнопленных — немцев, венгров, чехов, австрийцев, болгар, словаков, турок, десятки тысяч военнослужащих Польши, Румынии, Сербии, рабочих и крестьян из Китая и Финляндии, Кореи и Бельгии — находились в то время в нашей стране. Встретившие Великую Октябрьскую социалистическую революцию вдалеке от родины, они не остались безучастными к борьбе рабочих и крестьян России за новый, справедливый общественный строй, за мир и счастье для всего человечества. Уже в первых отрядах Красной Гвардии в уличных боях в Петрограде и Москве сражались рабочие-китайцы, польские солдаты, военнопленные-венгры.

Иностранные рабочие и крестьяне приняли участие и в борьбе за установление Советской власти на местах.

Интернациональный отряд Красной Гвардии, организованный в Костроме из венгров, австрийцев, чехов и немцев, помог рабочим города обезоружить гарнизон, верный Временному правительству, и взял на себя охрану вокзала и складов.

Ноябрь 1917 года... Солдаты Белгородского польского полка вместе с отрядами матросов Балтики, молодежью Белгорода и харьковской Красной Гвардией отражают натиск корниловских ударных батальонов, которые пытались прорваться с Западного фронта на Дон, к Каледину. «Революционный героизм белгородцев должен быть для нас примером пролетарской солидарности»,— писал по этому поводу еженедельник «Трибуна», издаваемый в Петрограде Союзом польских военнослужащих.

За установление Советской власти в Томской губернии борются военнопленные Томского лагеря, в Киеве — сербский отряд, организованный Югославянским революционным союзом.

Первые декреты Октября — о власти, о земле, о мире — всколыхнули все народы.

Мощный взлет чувства пролетарского интернационализма особенно сказался в феврале 1918 года, когда империалисты австро-германского блока, нарушив перемирие, бросили войска в наступление по всему фронту. Ленинский клич «Социалистическое отечество в опасности!» поднял на защиту пролетарской революции не только миллионы рабочих и крестьян России, но и тысячи иностранных граждан, находившихся тогда в нашей стране.

20 февраля 1918 года. Митинг военнопленных немцев, австрийцев, чехов и венгров в Петрограде заявляет: «Новое наступление австро-германского империализма является покушением не только на революционную Россию, но и на общее дело пролетариев всех стран... Собрание призывает каждого военнопленного все свои силы предоставить в распоряжение революции, служить ей с оружием в руках».

Интернациональные красные части стали возникать повсюду. В Москве венгерский революционер Тибор Самуэли сформировал 1-й Коммунистический интернациональный отряд; Сан Фуян — китайский батальон; интернациональные отряды были созданы чехом Ярославом Гашеком в Самаре, венгром Ференцем Мюннихом в Перми, китайцем Пау Ти-саном во Владикавказе. В Астрахани встал под знамена революции чешский отряд, в Туле — китайский батальон, в Иркутске — польская рота.

В составе частей и соединений Красной Армии эти и многие другие отряды мужественно сражались на всех фронтах гражданской войны. 222-й Самарский интернациональный стрелковый полк, входивший в дивизию В. И. Чапаева, вел бои на Восточном фронте; 2-й интернациональный полк дивизии В. И. Киквидзе — на Южном фронте, 1-й Туркестанский интернациональный полк — в Средней Азии, 6-й Финский коммунистический полк — в Карелии...

Враги международной пролетарской солидарности распространяли клевету об интернациональных формированиях, пытаясь помешать вступлению трудящихся-иностранцев в ряды Красной Армии. Резкую отповедь вражеским проискам дали собравшиеся 18 ноября 1919 года в Москве представители китайских отрядов. «Формирование китайских красноармейских интернациональных отрядов в России,— заявили они,— происходит по почину самих китайских рабочих организаций, их собственными силами, с собственным командованием и притом исключительно из китайских революционеров-добровольцев. И никакая клевета, ни угрозы, ни жестокости, учиняемые войсками Колчака, Деникина и Юденича с молчаливого одобрения Антанты, не запугают китайцев.

Мы, китайцы, проливаем свою кровь за освобождение угнетенных народов...»

В газету «Красный кавалерист» написал гневное письмо австрийский рабочий Бергер, красноармеец 1-й конной армии:

«Ясновельможные паны усердно стараются доказать всему миру, что у большевиков — только «наемные» солдаты и в том числе многотысячная армия иностранных пролетариев, бывших военнопленных. «Их мобилизовали,— пишут панские газеты,— и заставили насильной голодовкой вступить в ряды Красной Армии». Жалкие лгуны!..

Вот я, как иностранный рабочий, который во время великого Октябрьского переворота был в России в плену, довожу до вашего сведения, что со мной около четырех тысяч бывших военнопленных из одного лагеря поступили добровольно в ряды Красной Армии... Не старайтесь

Заявление социалистов I Югославянского полка.

Бойцы китайского батальона, действовавшего в арьергардных боях на Восточном фронте. 1918 год.

Румынский революционный батальон перед отправкой на фронт. Одесса. Март 1918 год.

напрасно портить бумагу для ваших воззваний. Мы не попадемся на вашу удочку.

Мы уже три года сражаемся в рядах Красной Армии за идеалы пролетариата, за идею коммунизма, и никто в Советской России не обещал нам золотых гор. Мы отлично знаем, что наша борьба тяжелая, но все-таки она закончится нашей победой...»

Сотни тысяч трудящихся зарубежных стран плечом к плечу с народами Советской России отстаивали исторические завоевания Октября: более 80 тысяч венгров, около 40 тысяч китайцев, десятки тысяч немцев, чехов, сербов, поляков, румын и представителей других народов мира. Обо всем этом расскажут документы и материалы сборника «Солидарность трудящихся зарубежных стран с народами Советской России в защите завоеваний Октября», выпускаемого издательством «Советская Россия».

В. КОПЫЛОВ,
А. ПАВЛОВ

Оборона Петрограда. Финский красноармейский отряд. 1919 год.

Тибор Самуэли, организатор интернациональных формирований (слева), и наркомвоен Украины Н. И. Подвойский. 1919 год.

Тов. ЖЕН-ФУ-ЧЕН.

В последних боях под Выей погиб командир Китайского полка товарищ Жен-Фу-Чен.

Тов. Жен-Фу-Чен пользовался большим влиянием среди китайцев—и все свое влияние и авторитет среди китайцев он принес на службу Советской России.

Китайские части, организованные им, были наиболее стойкими и надежными частями у нас на фронте.

Как честный солдат мировой революции, он своей жизнью запечатлел свою преданность великому делу.

И его работа не пропала даром.

Память о сыне чужого народа, о тов. Жен-Фу-Чен, отдавшем свою жизнь за дело угнетенных всего мира, будет свято храниться борцами революции.

Некролог о геройской смерти командира китайского полка товарища Жен Фу-чена

Молодые американцы обсуждают, следует ли им поехать в Китай.

НАШ ВИЗИТ В КИТАЙ

Эд ХОХМЭН и Роберт КОЭН,
два из сорока двух американцев, посетивших Китай вопрекн запрещению госдепартамента

Фото авторов.

Когда VI Всемирный фестиваль молодежи приближался к концу, мы, молодые американцы, участники фестиваля, получили приглашение посетить Китайскую Народную Республику. Разгорелась горячая дискуссия: принять великодушное приглашение китайской молодежи или, подчиняясь запрещению госдепартамента, отказаться от этой поездки? Каждый из нас должен был решнть это самостоятельно.

Некоторые боялись, что у ннх отберут паспорта, как угрожал это сделать госдепартамент. Другие считали, что они имеют право ехать, так как это гарантировано конституцией США. Многие надеялись, что эта поездка даст им возможность внести свой вклад в дело улучшения взаимопоннмания между американским и китайским народами.

Всем нам представлялась возможность встретиться и поговорить с китайской молодежью и таким образом узнать правду о той частн света, где происходят события огромной важности и которая большннству из нас была мало знакома н казалась романтической.

После нескольких дней размышлений 42 из 180 американцев, присутствовавших на фестивале в Москве, решили ехать. Перед самым отъездом на Ярославском вокзале мы подписали заявление, которое было вручено представителям печати. В нем говорилось: «Мы считаем, что сделать мир лучше — дело всех людей, а не только профессиональных дипломатов».

Быстро пролетели 9 дней пути. И вот поезд уже пересекает китайскую границу и поздно вечером прибывает на станцию Маньчжурия. Едва мы вступили на китайскую землю, сотни веселых молодых китайцев окружили нас плотным кольцом. Начались объятия и рукопожатия. Возгласы «мир и дружба» огласили воздух. Казалось, каждый хотел выступить с приветственной речью, и мы долго слушалн эти выступления, несмотря на то, что начал моросить дождь.

Укрывшись вместе под плащами и зонтиками, амернканцы и китайцы шутили, что дождю не размыть их только что рожденной дружбы. Теперь, когда наконец мы прибыли в Китай, вряд ли кто-либо сильно раскаивался в этом.

Можно многое рассказать о нашем пребывании в прекрасном городе Пекине: о его историческнх памятниках, о посещении школ, фабрик, мест, свято чтимых китайцами, о прекрасных парках и других достопримечательностях. Самое же снльное впечатление произвела на нас встреча с вождями китайского народа. Спустя несколько дней после нашего приезда на большом приеме в честь делегатов, прибывших в Кнтай более чем из 60 стран, мы увидели премьера Чжоу Энь-лая, который скромно вошел и смешался с гостями. Все американцы бросились приветствовать его н были очень

Стив Тайлер из Нью-Йорка во время посещения фермы близ Кантона слушает рассказ о китайских кооперативных хозяйствах.

Из приеме у Чжоу Энь-лая.

Пегги Сиджер из Лос-Анжелеса (Калифорния) играет на банджо на прощальном вечере, устроенном в Пекине китайскими друзьями.

удивлены сердечностью и простотой обстановки, в которой им пришлось встретиться с одним из вождей этого огромного государства. Американцы забросали премьера вопросами о международных делах и, протягивая листки бумаги, просили оставить свой автограф. Премьер написал свое имя даже на банджо одного из делегатов.

За банкетным столом во время прощального вечера в Пекине.

В одном углу зала, где происходил банкет, маршал Хэ Лун свободно отвечал на наши вопросы о политике Китая в отношении Тайваня. Другая группа молодых американцев беседовала с доктором Го Мо-жо, президентом Академии наук Китая.

На следующий день в помещении Государственного совета мы получили интервью лично у премьера Чжоу Энь-лая, во время которого он ответил на все поставленные ему вопросы. После беседы мы вышли на улицу, и несколько американцев запели американскую народную песню: «Я хочу сложить свою шпагу и щит... Я не собираюсь больше идти на войну». Ко всеобщему удовольствию, премьер Чжоу Энь-лай присоединился к поющим. Эта редкая сцена, как и многие другие, имевшие место во время нашего пребывания в Китае, была снята на кинопленку и отправлена самолетом в Соединенные Штаты.

Подводя итог впечатлениям, которые оставил у нас Китай, прежде всего хочется сказать о народе этой страны, дружественном и трудолюбивом.

Когда у китайцев есть механизмы, они пользуются ими бережно и умело; если механизмов не хватает, они не останавливаются перед тяжелым ручным трудом. Для нас, приехавших из страны, где механизация — обычное явление, эти сцены казались поразительными. Однако в результате такого человеческого труда вырастают фабрики, заводы, мосты, которые скоро сделают Китай передовым государством.

До приезда в Китай некоторые американцы из нашей группы думали, что нас повезут по заранее разработанному маршруту, показывая все хорошее и скрывая плохое.

Но это оказалось не так. Мы посетили не только новые фабрики и больницы, но побывали и в отсталых районах, где проведенные реформы еще не успели уничтожить наследия старого. Нам разрешили навестить нескольких американцев, отбывающих тюремное наказание в Китае по обвинению в шпионаже. Мы могли идти самостоятельно, без гида, куда нам хотелось...

Когда шесть недель, показавшиеся такими короткими, близились к концу, мы попросили каждого из членов нашей делегации ответить на вопрос: «Каково ваше самое сильное впечатление от Китая?». Вот некоторые из ответов.

Лис Альхонот (артист, 31 год, Нью-Йорк). «Удивительно, как шестисотмиллионный народ перестроил свою страну».

Салли Белфрэдж (21 год, помощник художественного редактора, Нью-Йорк). «Я считаю, что Китай движется вперед быстрее любой другой страны».

Сааг Аведисьян (27 лет, банковский служащий, Потакет, Род-Айленд). «В жизни людей больше порядка, они живут лучше, чем я ожидал».

Моррис Блок (37 лет, судостроительный механик, Нью-Йорк). «Всеобщий прогресс во всех направлениях».

Гай Караван (30 лет, народный певец, Лос-Анжелес). «Всеобщая реконструкция и уничтожение многого из того, что прогнило в старом обществе».

Джуди Коллинз (25 лет, стенографистка, Сан-Франциско). «Энтузиазм, с которым народ относится к огромным переменам, происходящим в его жизни».

Джерри Федерер (24 года, химик, Бруклин). «Уничтожение невежества, догматизма и бюрократизма через кампанию по борьбе с отрицательными явлениями».

Нинель Голдстейн (22 года, артистка, Бруклин). «Трезвое отношение народа к необходимости учиться у всех других стран...».

Фей Гудмэн (23 года, служащий, Нью-Йорк). «Народ, его вера в будущее».

Шейла Гринберг (19 лет, студентка, изучающая биологию, Нью-Йорк). «Экономическое развитие страны... Большие возможности для получения образования».

Дин Хокси (31 год, рентгенотехник, Лос-Анжелес). «Фантастический рост промышленности и просвещения с тех пор, как я здесь был с флотом США в 1945 году».

Элен Хаймен (23 года, копировщица, Нью-Йорк). «Уверенность всего народа в том, что общество, которое они помогают строить, подходит для Китая».

Ноэл Киддер (24 года, химик, Лос-Анжелес). «Люди живут значительно лучше, чем я ожидал увидеть».

Элен Куэниц (17 лет, студентка, Лос-Анжелес). «Контраст между старым и новым. Забота правительства об улучшении жизни народа».

Билл Марч (18 лет, студент, изучающий географию, Лос-Анжелес). «Огромные преобразования, совершающиеся такими быстрыми темпами, несмотря на трудности».

Уоррен Маккеина (39 лет, епископальный священник, Бостон). «Народ, его безграничное терпение, уважение друг к другу, лояльное отношение к правительству и вера в будущее».

Сандра Меколи (21 год, бухгалтер, Лос-Анжелес). «Метод работы — сотрудничество между людьми».

Лэрри Мойер (33 года, кинорежиссер и театральный постановщик, Нью-Йорк). «Необыкновенный контраст между старым, отсталым, и новым, передовым, и энергия, которую отдают стране все, начиная от крестьян и кончая высокопоставленными лицами».

Лоррейн Новацки (24 года, зубной техник, Детройт). «Произвело впечатление усердие народа. Люди трудятся очень упорно».

Пегги Сиджер (22 года, народная певица, Лос-Анжелес). «Дух народа».

Таковы впечатления американцев от недавней поездки в Китай. Одни ответы звучат весьма оптимистически, другие скупо, ибо пребывание в стране было непродолжительным. Были и резко неблагожелательные ответы, но в общем сложилось впечатление, что Китай представляет собой страну, народ которой трудится со всей энергией, чтобы построить лучшую жизнь, жить в дружбе со всеми другими народами.

Мы убедились, что китайский народ искренне и горячо желает мира. Мы постараемся как можно скорее рассказать об этом своим соотечественникам.

ВМЕСТО ДОМА — ПУСТЫННЫЙ ВЕЛЬД

Улица в пригороде Иоганнесбурга Вредедроп. Еще вчера у этих людей были дома, магазины, привычный быт.

Теперь эта табличка в степи должна заменить им кров.

Вельд — это огромные степные пространства в Южной Африке. И всякому, кто увидит в их бескрайних просторах сиротливую табличку — «место для квартиры», — эта надпись покажется нелепой и страшноватой.

Но такие таблички должны сейчас заменить дома 9 000 индийцам, жившим до последнего времени в Иоганнесбурге.

Индийцы, как и местное коренное население Южной Африки, всегда подвергались гонениям: недаром еще Ганди, начавший свою политическую деятельность в Южной Африке, поднимал голос в защиту неевропейского населения.

В Южно-Африканском Союзе и раньше существовал закон, разрешающий отдельным расовым группам селиться и владеть собственностью только в специально отведенных для их районах. Так, в Иоганнесбурге индийцам, живущим в пригороде Вредедроп, разрешалось селиться и открывать магазины лишь на одной «только индийской» стороне улицы.

Но и этих унизительных условий существования индийцы Иоганнесбурга ныне лишены: решением правительства все индийское население выселяется из Вредедропа в необжитые просторы вельда. Магазины и дома индийцев или сносятся, или отбираются белыми.

В 20 километрах от Иоганнесбурга предполагается создать город-гетто Ленозия. А пока там пустырь, который заменяет дом выселяемым.

На заседаниях Генеральной Ассамблеи ООН представители стран Африки и Азии бросают в лицо мнимым поборникам «прав человека», от имени которых ораторствуют Даллес, Лодж и К°, гневное обвинение в потворстве колонизаторам, насаждающим бесчеловечные порядки в Южно-Африканском Союзе.

Г. ЮРОВСКАЯ

Рисунок Н. ЖУКОВА.

ИЛЬИЧ

(Страницы жизни)

Алексей **МАРКОВ**

Рисунки В. ВЫСОЦКОГО.

В МОРОЗ

Чужою кровью,
так случалось,
Брала буржуазия власть,
За все богатство, что досталось,
Зубами цепко ухватясь.
Без права пожили, мол, хватит!
Настал сегодня наш черед
Покрасоваться пышным платьем
И темный стращать народ.

И угасала быстро память
О тех, кто нынче за станком,
Кто брал своими же руками
Недавно королевский дом.
На свалку лозунги летели,
С которыми вчера народ
Шел в бой во имя светлой цели,
Круша извечный тяжкий гнет.
В бесцветных, выпинявших лентах
И высеченных письменах
Пылятся скорбно монументы
На оскорбленных площадях.

Но, не взирая на расправы,
Гнев поднимался в голытьбе:
«А по какому это праву
Они забрали все себе!»

Неумолимо и свинцово
Сжимались пальцы в кулаки.
Шла подготовка к битвам новым,
Увещеваньям вопреки.
Нет, не для собственного счастья,
Судьбою жертвуя своей,
Шли коммунисты с боем
к власти,
Рванувши руки из цепей.

Скажи, бессмертье праздной
жизнью
Давалось ли когда кому!
Лишь только светом щедро
брызнув,
Звезда прорезать может тьму.
Пусть упадет звезда в итоге,
Едва-едва успев блеснуть,
Но все же сбившимся с дороги
Она найти поможет путь.

...На съезде группу делегатов
Вдруг Ленин в гости пригласил.

Они пришли, но рановато:
Ведь не опаздывать просил.
Все руку пожимают Крупской,
Что встретила гостей в дверях.
В холодном коридоре узком
Пальто снимают второпях.
— Входите в комнату, входите...
Ильич появится вот-вот...
Кто очень хочет, покурите,
Но... с уговором — в дымоход.

Одни остались гости. Взглядом
Обводят стены, потолок...
Пристроена с дверями рядом,
Как входишь, кепка на гвоздок.

Рабочий немудрящий столик,
На нем прозрачный лист стекла,
И горьковских творений томик
Развернут, словно два крыла.

За занавескою из ситца
Опрятно прибрана кровать...
Паркет рассохся, не годится:
Шагнешь—стекло начнет дрожать.

В широкой кадке куст зеленый,
Почти треть комнаты под ним.
Он пышет солнечным озоном,
Напоминая знойный Крым.
Никак возможным не находит
Поехать отдохнуть Ильич,
Побыть немного на природе,
С ружьем сходить в лесок на
дичь...
И людям чуялось до боли,
Что от неслыханных забот
Он с каждым новым днем все
боле,
Не признаваясь, устает.

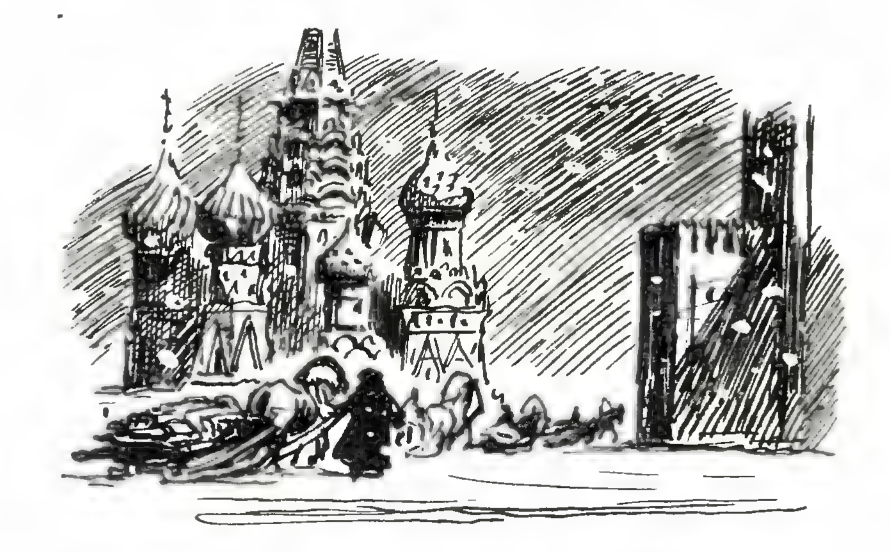
— А вот скажите вещь такую:
Ужели нам не по плечу
Квартиру подыскать другую,
Ведь в ней работать Ильичу!
— Зачем квартира нам другая!—
Сказала Крупская в ответ.
Чай делегатам наливая,
Она подумала:
«О, нет,
Покуда бедствует Отчизна,
И нет тепла, и нет жилищ,
Себе квартиру лучше в жизни
Не согласится взять Ильич!»

Прошу не спорить. Непременно!
Настаиваю на своем.

Играют весело дровишки,
Их нарубил хозяин сам.
Теперь у жаркой печки
с книжкой
Сел — и улыбка по усам.
Трет руки, красные с мороза:
— Дрова — прекраснейшая вещь!
А пахнет, пахнет как береза!
И кажется, смеется печь...

Перо скорей возьми, Надюша,
И посердечней напиши:
«Дровишки славно нам
послужат,
Спасибо ото всей души!..
То время, дескать, недалёко,
Когда пойдет по проводам
В дома живая сила тока,
Даря тепло и радость нам...»

Сам адрес вывел на конверте,
Вставая, потянулся всласть.
— Родимые мои, поверьте,
Не подведет вас ваша власть!

...С утра февральские метели
Летят безлюдной мостовой,
И так не дни — уже недели
Аукают над головой.
Стоит на площади на Красной
В сугробах дымчатых собор,
И грезит о погоде ясной
Его узорчатый шатер.
Обвиты лошади парами.
Они воротами Кремля
Возы, груженные дровами,
Везут, поземкою пыля.
Прошли далекую дорогу
Из-под завьюженной Твери...
Везут к заветному порогу...
Ильич, подарок наш бери!

Хозяин скинул три полена,
Сказал:
— А это в детский дом!

ШУМ ВРАГОВ

Просматривал газеты Ленин,
Их целый ворох перед ним...
Одна выходит где-то в Вене,
Другой торгует бойко Рим.
Тут на английском и на шведском,
На всяких прочих языках,
И столько злого шума, треска
В газетах о большевиках!
Какое дружное злорадство,
Когда узнают невзначай,
Что, небогатые на яства,
Как угощенье, ставим чай,
И даже сахару вприглядку —
Пустой лакают кипяток!
На чьем-то пиджаке заплатку
Увидел кто-то — и упрек:
«Смотрите, вот какие блага
Народу дал социализм!

Окончание. См. «Огонек» № 43.

Он существует на бумаге,
А жизнь, она идет как жизнь!»

Какое до того им дело,
Что край наш выбился из сил,
Что в битвах с бандой оголтелой
Годами кровью исходил,
Что строй наш — первенец-
ребенок:
За воздух ухватясь рукой,
Шагнул недавно из пеленок,
И нет поддержки никакой!
А мы, выходит, виноваты,
За все ответственны «грехи»:
За развалившиеся хаты
И за дороги, что плохи...

Встал, заходил Ильич тревожно,
Достал и глянул на часы...
Дверь приоткрылась осторожно,
И показались в ней усы
И задержались на мгновенье.
— О, Алексей Максимыч! Жду...
Что ж не пришли к нам в
воскресенье!
Кто говорил: «Приду, приду!»!
И выдался денек погожий...

Гость отвечал: — Не смог, не
смог...
Он не спеша снимал галоши
И ставил палку в уголок.

— Опять я прихворнул немного...
— Так не годится никуда.
Нет, собирайтесь-ка в дорогу
На Капри... Там тепло... Вода...

Но гость уткнулся недовольный
В газету из-за рубежа.
Как видно, в этот край
привольный
Не очень-то влекла душа.

И в тишине, когда, взволнован,
В газету вчитывался гость,
Ильич, быть может, вспомнил
снова
Края, где в прошлом жить
пришлось.

Неудержимо время мчится!
Да, долог день, короток век.
Давно ли было только тридцать,
А вот в летах уж человек!
Но не старик еще как будто,
Готов в дорогу, не устал!
И за какую-то минуту
Ильич всю жизнь перелистал.

Он тоже знал простое счастье
На желтом волжском берегу.
Не отягченный трудной властью,
Еще пред миром не в долгу,
Он рассекал волну руками —
И радуга над головой.
Садился на горячий камень
И вдаль глядел на белый зной.

Еще Ульянов, а не Ленин,
Он к матери явиться мог
И головой припасть к коленям,
Безмолвно посидеть у ног.
Спасибо, что вдвоем остались,
Другие, может, не поймут.
И молча будет мать на палец
Крутить волос пшеничный жгут
И думать, думать: «Разве сможет
Сын обходиться без меня!..»
И даже говорила: «Боже,
Иди во след, его храня!»

Но счастье есть. И не простое,
Совсем неясное иным.
То счастье яростного боя
С врагом, что был непобедим...

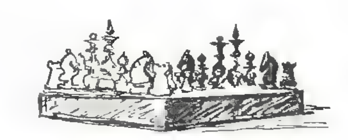
— Ну, а газеты все клевещут, —
Промолвил гость, косясь на них.
Ильич сказал:
— На эти вещи
Трудов не надобно больших.
Но может быть весьма полезен
Враг в полемической пальбе:
Ожесточась, он в схватку лезет,
Что в мыслях, рубит он тебе.

А «друг» иной таиться станет,
Минует острые углы
Не избегайте порицаний,
Страшитесь больше похвалы!

— Давайте в шахматы сыграем!
До заседанья полчаса!
— Да нет, забота есть другая...—
У гостя сузились глаза.
— Опять вступиться за кого-то!
Ну, говорите напрямик!
— На этот раз не та забота,—
Споткнулся на слове язык.
— Журнал открыть!.. Или
газету!..
Ильич потер рукою лоб:
— Поддержим мы идею эту.
Но, Алексей Максимыч, чтоб
Печать бы стала чуть живее
И без излишней трескотни.
Видали, как писать умеют
О наших промахах они!

Эх, Алексей Максимыч, милый,
Раскроешь поутру журнал,
А он такой уж разунылый,
Как будто ты его читал!
Чем будем искренней и чище,
Тем горячей из разных стран
Сюда потянутся ручищи
Друзей — рабочих и крестьян.
У них о собственных Советах
Мечта в порядок дня встает.
Всегда нам надо помнить это
И знамя не ронять свое.

Ну, а теперь прошу: разочек
Сыграем в шахматы... Идет!

— Я разбираюсь-то не очень...
— Не притворяйтесь...
Сделан ход.

ПОЛВЕКА

Да, отдохнуть его заставить, —
Ей-богу, не из легких труд.
Не может дела он оставить,
Как ни проси, ни сетуй тут.

(Не потому ль, друзья, так светел
Его горячий, ясный ум,
Что больше всех на этом свете
В трудах он передумал дум!)

Утешился какой-то лодырь:
«Талантами родятся лишь» —
И прожигает год за годом:
«Бог дара не дал!»
Э, дуришь!
Как нету голубей без пары
И стаи птиц без вожака,
Людей на свете нет без дара,
Скажу я вам наверняка.
Но надо в дело быть
влюбленным,
Талант прорежется тогда...
Из скорлупы своей цыпленок,
И тот не выйдет без труда!
. . . .
...Послушаться захочет разве
Ильич кого-нибудь из нас!
— Лечиться ехать мне на грязи!
Вы полагаете!.. Сейчас!!
Тут в силах только глас решений,
Тут всемогуще большинство:
Мол, признавать не хочет Ленин
На отдых права своего.
И вот ЦК рукой своею
Подписывает «приговор»:
Обязан ради юбилея
Вождь отдохнуть! И кончен
спор...

(А он постановленья эти
Беспрекословно уважал.)
И, кстати, юбилей отметим —
Хотя он резко возражал —
Мы под каким-нибудь предлогом!
А так рассердится: к чему,
Мол, эти пышности!.. Ей-богу,
Не нужно это никому!

Явился Ленин аккуратно,
Без опозданий, как всегда.
Само собой оно понятно:
Секунда бережет года!

Тряхнул звоночком председатель.
На Ленина взглянув, сказал:
— Мы посвящаем славной дате...
Не дал закончить фразу зал.
Хлопков сердечных и горячих
Рванулся шумный водопад.
Ильич отмахиваться начал,
Такому празднеству не рад.
Лоб повлажневший вытирая,
Шепча какие-то слова,
Смущенный, на скамейке с края
Сидел виновник торжества.
И вдруг для зала незаметно
(Он к конспирации привык)
Из-за стола исчез бесследно,
Использовав удобный миг,
И не слыхал, какие речи
С трибуны говорили здесь...

(Иные любят эти встречи,
Где им оказывают честь.
Гляди, еще да избалует
Аплодисментов трескотня...
«Нет, как хотите протестую,
Избавьте от похвал меня!»)

К Москве-реке спустился Ленин...
Плыл над водой туман, как дым..
Он оглянулся на ступени:
Никто не следовал за ним!
Потом набрал камней в карманы,
Хотя седины в бороде,
И, как обычно мальчуганы,
Метать их начал по воде.

Скакали камешки вприп[illegible]
И юбиляр веселым стал.
Какой-то все-таки парнишка
Заметил и захохотал.

...Потом просили разрешенья
Корреспонденты из газет,
Чтоб напечатать поздравленья
В газетах можно было...
— Нет! —
Как будто бы от них зависим,
Но твердо отвечал Ильич. —
Давайте с мест побольше писем.
Бюрократизм — наш главный бич!

...Звонит комендатура:
Получены подарки!
Тут есть мануфактура
Расцветок самых ярких
Для праздничных сорочек,
Для будничных — скромнее.
Ковры есть, между прочим, —
Соткали к юбилею.

А он спешит, счастливый,
Увидевши из жести
Тот котелок с Разлива,
Что нынче всем известен.
И в копоти —
солдатский —
Его берет он в руки
И смотрит не без ласки:
Милее стал в разлуке.
— Пускай напоминаньем
Он в нашем доме будет,
Какое расстоянье
Прошли за счастьем люди.

НЕОТЛОЖНЫЕ ДЕЛА

Когда судить по докладным
И разговорам телефонным,
Понятно всё: путем прямым,
На долгие лета законным,
Иди — и никаких гвоздей! —
Не встретится нигде затора.
Жить будем завтра веселей, —
Юнцы поют веселым хором.

Рисунок Н. [illegible]

Рисунок Н. ЖУКОВА.

Доверься, руки опусти —
Большие будут огорченья,
Собьешься с верного пути,
И понесет тебя теченье.
Ты доверяй, но проверяй,
Красивым не поддайся слухам!
Пройди страну из края в край,
Запасшись хлебною краюхой.
А соль найдется где-нибудь,
Найдется в родниках водица.
И взять в дорогу не забудь
Ружье охотничье — сгодится!
И походи и забреди
В стоящий на пути домишко,
С людьми беседу заведи
Об урожаях, о детишках...
Поговори, да от души —
Точь-в-точь какой-нибудь
прохожий.
В блокнот ни слова не пиши.
От этого избави боже!

Все было просто в Ильиче:
В походке тверд, в сужденьях
точен
И вроде бы совсем ничем
Не отличался от рабочих.
И если не увидеть глаз,
Живых, искрящихся и цепких,
Ничто не остановит вас
Вот в этом человеке в кепке...

Не по картинам галерей
Знал о гнилых, дырявых крышах,
Не из газетных новостей
Судил он, чем Россия дышит.

Дворец Кремлевский. Совнарком.
Здесь снова выступает Ленин.
Утер высокий лоб платком
И продолжает схватку прений.
И не бумажка, а часы
В руке протянутой зажаты

Часы не просто для красы, —
Чтоб разговор большой был
краток.

— Мы не сплошали на войне.
Мы научились крепко драться.
Но вот мы старшие в стране.
Как и за что теперь нам браться!
Нам по наследству довелось
Былую - руки взять Расею,
Где трон давно прогнил насквозь...
Что будем дальше делать с нею!
Сегодня громкие слова —
Пустое дело. Срок их вышел.
Работать надо, рукава
Без страха закатав повыше.
А вот иные говорят:
Свергал я, дескать, Николашку,
Я — революции солдат.
Подай печать мне и бумажку!
Разметят, обкатают план,
Так разрисуют идеалы,
А дела нету ни на гран.
Иным в привычку это стало!
Одни лишь фразы без конца,
Воды ораторской фонтаны...
Ведь ради красного словца
Убить любые могут планы!

А дело требует труда
И большевистской смелой хватки!
Пускай похвалят нас тогда,
Когда все станут жить в достатке...

Недоедал мужик простой,
Веками голодал, бывало,
И засыпал с одной мечтой:
«Приснился б, что ли, хлеб
да сало!»
На смерть ходил он оттого,
Что их ему недоставало!
Призывом, лозунгом его
Насытить — это очень мало.

Ильич, не кончив речь, замолк,
С трибуны на «камчатку» глянул.
У печки — дыма синий столб,
И наполнялся зал туманом.
— Рукав, Цюрупа, запылал!..
Ну, прямо таракан запечный...
Загрохотал, взглянувши, зал
Непринужденно и сердечно.

(Шел уговор из года в год:
Что, мол, собрание не против —
Курцы пусть курят в дымоход,
Участвуя во всей работе.
Порой, считая голоса,
К тем, что у печки, подходили:
«Кто воздержался здесь! Кто
«за»!»
И с добродушием шутили:
«В глаза, мол, дыма подпустили»).

— Мы созидаем, разрушая,
Мы продолжаем, отрицая.
Навек застывшей формы нет,
Она изменчива, как свет.
Карать нам беспощадно нужно
За косность и за равнодушье.
Пусть не найдет пощады плут.
Под суд его! Жестокий суд!
И если важный коммунист,
С трибуны боек и речист,
Не замечая беззаконий,
Пройдет, как будто посторон-
ний, —
Таких из партии долой!
Пускай идут себе домой...

...Я предлагаю не шутя
Почистить и помыть дитя...
Чтоб легче партии дышалось,
Чтоб в ней балласта
не осталось! —
Сказал с трибуны он сходя.

Не все поддержат в том вождя.
Еще иной задаст вопрос,
Насиженный жалея пост:
— А может, баит Ленин сказки!
Не слишком ли сгущает краски!
— Уж если что грозит стране,
Так это натиски извне...
— Не перечесть у нас успехов,
А чистка будет лишь помехой:
Из хаты ведь выносим сор,
Пойдет излишний разговор...

. . . .

Враги — они не дураки...
Уж раз бежали колчаки,
Мы знаем: в мире похитрее
Оружье есть, чем батареи!
Пускают в ход они коварство,
Ведя подкоп под государство:
Не говорят, что ненавистно
Им здание социализма.
Наоборот, хваля его,
Хотят добиться своего;
Речь заведут о недостатках,
Но так, для вида, для порядка...
О беззакониях — молчок!
Они — как в здании жучок.
И постепенно, потаённо,
Хитро, упорно, каждодённо
Подточат здание до дна,
Чтоб только видимость одна
От государства уцелела,
А остальное в прах истлело.

Но скажем вместе мы с вождем:
С дороги нашей не свернем,
Пойдем нелегкою, крутою,
Зато овеянной мечтою,
Крещенной яростным огнем,
Свинцовым проливным дождем,
Горячей беспокойной кровью,
Упрямой верой и любовью,
Прошедшей через все сердца,
Что бьются стойко до конца!

ДУМЫ

Нет, не прошло раненье даром
И о себе давало знать.
Как будто бы еще не старый,
А сердце начало сдавать.
Иль зимы стали холоднее!
Иль это остывает кровь!
Чуть ветерок — уже не греет,
И врач заходит вновь и вновь.

Играют во дворе мальчишки
В снежки с утра и до темна,
И Ленин, отложивши книжку,
Стоит в раздумье у окна.
Не о прошедшем вспоминает:
Нет времени назад глядеть,
Как вожаку крылатой стаи,
Которому вперед лететь.

А если что-нибудь случится, —
Не побоятся! Долетят!
В глазах у них не помутится!
Не поредеет тесный ряд!

Отец семейства тот примерный,
Кто воспитает сыновей,
Способных вдумчиво и верно
Идти дорогою своей,
Без паники продолжить дело,
Приняв наследство от него,
Всей жизнью дополняя смело
Отца. Ведь он хотел того.
Его бессмертие в сраженьях,
В горячем споре молодом,
В неумолимейшем крушенье
Всего, чему пора на слом.

Был Ленин за страну спокоен.
Что б ни случилося в пути,
Он знает, что дойдут, достроят
Те, с кем пришлось ему идти.
Он знает, время не расколет
Великую семью друзей,
Сплоченную единой волей:
Союза в мире нет прочней!
Прошедши с нами сквозь
страданья,
Пути изведав крутизну,
Он передал нам опыт, знанья,
Ума и сердца глубину.

Есть сыновья, которым можно
Корабль доверить, и они
На нем сквозь рифы осторожно
Пойдут на дальние огни!
Есть партия теперь такая,
Что с честью завершит дела!
Сердца в сраженьях обжигая,
Она сквозь ураганы шла,
Она в окопах гибла топких,
Ведя на подвиги полки,
В огнем бушующие топки
Ее бросали беляки.

Но злоба встретится подлее:
Из подворотни в спину нож, —
И справиться не просто с нею:
Где тут чужой, не разберешь.
Он, может быть, с тобою рядом
И в списках значится друзей,
А сам косит недобрым взглядом,
Чтобы сразить тебя ловчей.
Но есть, есть партия сегодня,
И компас — правда у нее!
Она между камней подводных
Пройдет, исполнивши свое.
Плечом к плечу из-за кордона
Помогут братья нам всегда.
Друг другу станем мы заслоном,
Когда надвинется беда.

Ильич припомнил, как недавно
Посланцы из Урги пришли
Поговорить о самом главном.
С дороги приустав, в пыли,
К нам добирались чуть не месяц

То на верблюдах, то пешком...
О, как обрадовались, встретясь
С вождем, вошедши в Совнарком!
И что с того, что незнакомы!
Расцеловались, обнялись...

В Монголии далекой, дома,
На нашу глядя, строят жизнь.

— Ну, покажитесь, Сухэ-Батор!
Да вы красивый, молодой,
И выправка, как у солдата!..
А я уже вот с бородой. —
Ильич смеялся добродушно,
Ладонью хлопнув о ладонь.
— Поправиться немного нужно!
Горите, друг мой, как огонь! —
Взглянул в глаза ему:
— Не так ли!
Смутился гость:
— Да все дела...
Чем сыпаться песком по капле,
Уж лучше рухнуть, как скала...
— А знаете, ведь вы похожи
На Фрунзе нашего... Да, да!
Лишь разница в оттенке кожи,
Но это, право, ерунда! —
И покосившись хитровато:
— Не только это. А глаза! —
Сказал веселый Сухэ-Батор, —
А в общем, я не против. За!..

За словом слово, и беседа
Душевно и легко пошла
О пораженьях и победах...
Гость говорил, что помогла
Россия всем на белом свете.
Успех других — ее успех.
«И снимут шапки наши дети
Перед защитницею всех».

И, может быть, Ильич впервые
С особой силой понял здесь,
Где наши самые родные
И преданные братья есть.
Свет революции с Востока
Мир озарит — за пядью пядь, —
Чтоб беспощадно и жестоко
Тьму над землею разогнать.
Поднимется народ Китая,
Чтоб с нами, ставши в ряд,
идти!

Уже пора. Уже светает.
Назад не может быть пути!
А то, что первыми мы были,
Пролили крови больше всех,
С лихвой затратили усилий, —
Так этих не забудут вех.

Заставят деды внуков строго
Встать перед памятью людей,
Которые крутой дорогой
Шли на далекий свет огней.

...Вошел на цыпочках Калинин,
Наверно, думая: «Больной
Своей постели не покинет, —
С утра температуры зной.
А он, извольте, у окошка,
Где тянет холодом от рам!»
Махнул рукой, смутясь немножко:
— Режим нарушил!.. Знаю сам.
Но вы так не глядите грозно... —
К постели, торопясь, пошел.
— Садитесь рядом. Вы с мороза!
Сосною пахнет хорошо!
А я лекарствами пропитан...
Вы знаете, такая дрянь!
Всё не велят врачи сердито:
Попробуй почитай иль встань!..
Скорей же расскажите, что там!
Оторван от всего опять!

— Да что ж, идет, кипит работа,
И есть о чем порассказать!
Вчера публично Троцкий снова
Уж так выпячивал себя!
Одни цитаты, что ни слово...
Закончил, слабых ослепя!
Перекроит, переиначит,
Чуть-чуть добавит своего...
Неискушенных околпачит —
И на руках несут его!

Вождь улыбнулся грустновато:
— Михал Иваныч! Это так.
Но все ж история когда-то
Сама отбрасывает шлак.
Опять, наверно, к молодежи
С приманкой обращался он:
«На вас, мол, долг, друзья,
возложен
Взять в руки правду всех времен
И понести ее высоко.
Вы — цвет России! Вы — народ!»
Ах, Троцкий, Троцкий, выйдет
боком
Вам этакий хитроворот!..

— Особенно сейчас он смелый, —
Михал Иванович вздохнул, —
Когда такое с вами дело...—
С досадой громко двинул стул.

— Михал Иваныч, а еще кто
С трибуны этой выступал!
— Одною речью был растоптан,
Сражен был Троцкий наповал.
Причем, ну так неторопливо,
Но с логикой прочней, чем сталь,
Глядите, мол, тут все фальшиво,
А вы приветствуете. Жаль!..
Ему сердечно хлопать стали —
Ответить Троцкому пора.
— Я узнаю, наверно, Сталин!..
Да, у него душа остра!

Больной смежил нежданно веки,
Казалось, говорить устал,
Иль размышлял о человеке,
Что отповедь немедля дал.

Чтоб Ильича не потревожить,
Михал Иваныч на носках —
А он всегда был осторожен —
К дверям за шагом делал шаг.

☆ ☆ ☆

Как вспять не повернуться рекам,
Как не надеть на нас оков,
Так не понять иным калекам,
Что, прожив всего полвека,
Он прожил множество веков.

Натруженное и большое
Светило скроется вдали,
Но перед тем напоит зноем,
Но станет перед тем душою
Всех молодых ростков земли.

СВЕРШЕНИЕ

Для человека сорок лет —
Уже, пожалуй, срок немалый.
Глядишь, и молодости свет
Погас. Ее как не бывало.
А если беззаботно жил —
Моя не скоро, дескать, осень,
Своим покоем дорожил, —
Не знал ты молодости вовсе.
Мы повзрослели до поры,
Узнавши горечь поражений,
Огни, походные костры,
Голодных стынущие тени...
Но сколько выпало побед!
И забывать о них не надо!
Светящийся в окошках свет,
Сердечность дружеского взгляда...

Дорогами твоей мечты,
Ильич, сегодня прохожу я.
Где кровь лилась, теперь цветы
Пылающие нахожу я.

Мы переплавим их, иначе
Что городить нам огород!
Мы всё пройдем, преодолеем!
Нам жить!
И нам не привыкать!
Ильич, мы с правдою твоею
Не дрогнем, не отступим вспять!

Да вот он, рядовой народа.
В мозолях руки у него.
Бывало, дальше огорода
Такой не видел ничего:
Была бы печка и дрова —
И все на свете трын-трава...

Живет сегодня по-другому
Наш скромный сеятель села.
Считая всю Отчизну домом,
Решает он ее дела.
Ему политика не внове,
Все видит, стоя на стогу.
Отлично знает, как из крови
За морем делают деньгу.

Страна восходов золотистых!
Я знаю, день такой придет,
Когда средь нас некоммуниста
Едва ли кто-нибудь найдет!

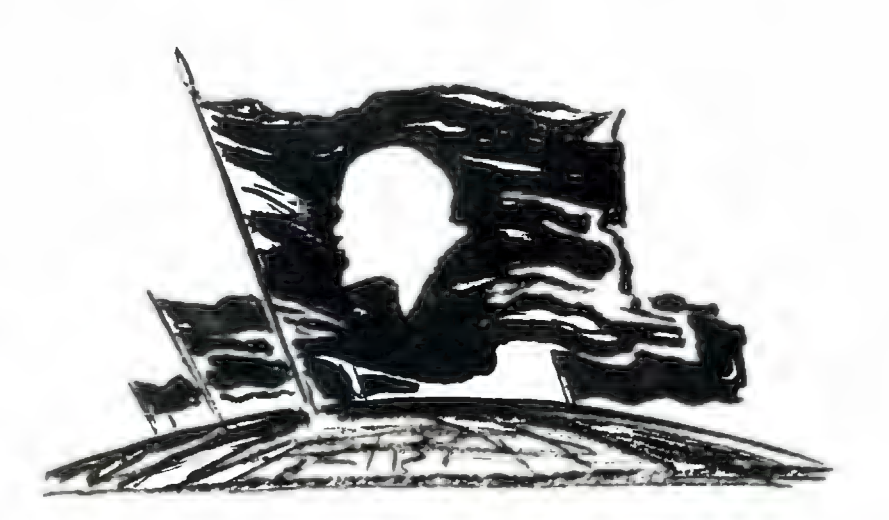
Там, где сгоревшая дотла
Земля в слезах осенних мокла,
Там, где, продрогнув без тепла,
Незрячие зияли окна, —
Как пароходы, корпуса
Зажглись вечерними огнями,
Детей веселых голоса,
И это — нашей правды знамя.

В степях мы строим города,
Подобные пчелиным сотам...
Тут всё: и радость, и беда,
И каждому своя забота.
Но есть и трутни до сих пор,
С которыми не просто сладить!..
Уставится такой в упор —
И волчий огонек во взгляде.
Но мы и с этою задачей
Сумеем сладить в свой черед,

Да, это будет. Но покуда
Корчуй,
сноси,
руби
и строй!
Еще грозятся отовсюду
Тебе, страна моя, войной.

Но ежели собьют с границы
Замки в один ненастный день,
Гром над землею разразится,
На травы снова ляжет тень, —
Враг на себе затянет петлю,
Ведомый яростью слепой.
И ЭТО БУДЕТ НАШ ПОСЛЕДНИЙ,
ИЗ ВСЕХ ПОСЛЕДНИХ
В МИРЕ БОЙ!

1955—1957.

МОЯ ГОРДОСТЬ — МОЯ РЕСПУБЛИКА

Габит **МУСРЕПОВ**

Обширна казахская земля! От Алтая и до Урала, от далекой Сибири до Ала-Тау привольно вытянулись ее просторы. Три тысячи километров с востока на запад, почти две тысячи километров с севера на юг—такова территория моей республики. На ней могли бы разместиться 5 Франций или 21 Англия. Есть у нас и снежные горы и знойные степи, зеленые долины и малолюдные пустыни. В феврале в Южном Казахстане начинается весенний сев, а на севере стоят лютые морозы, доходящие до 50 градусов. Реки и озера в разное время срывают с себя ледяное покрывало, и поразному плещут их волны.

Печально и сурово прошлое родной страны. Земля казахов покрыта развалинами древних городов, памятниками старины и могилами. Это следы трагедии, пережитой народом в прошлом. Сколько набегов совершалось на казахскую землю, каких страданий и лишений не претерпезала она на протяжении жестоких веков!

Мужественно сражаясь с иноземными завоевателями, казахский народ не дворцами, а кучами камней и остатками глиняных стен запечатлевал свой тернистый исторический путь, оплакивая смерть лучших сынов и дочерей, погибших в схватках в разные эпохи.

И все же сквозь многовековую тьму социального и национального угнетения казахский народ донес до наших дней богатые памятники духовной культуры, говорящие о душе этого народа, о его горе и страданиях, надеждах и чаяниях. Большое количество произведений фольклора, сказок и легенд, дошедших до нас изустно, обильно повествует о бесправной жизни народа в прошлом, о его горькой доле. Один из последних свидетелей бесправия народа, великий Абай, суровыми реалистическими картинами изобразил жизнь казахского народа, стонавшего под игом феодализма. Абаю было сорок лет, когда у него однажды вырвалась строка: «Старость пришла, скорбны думы, чуток сон...»

Кажется удивительным, что эти полные грусти слова были написаны страстным борцом, замечательным мыслителем, большим поэтом, который смело «боролся против тысячи невежд», против тех, кто угнетал народ и был хозяином казахской земли.

Какой безрадостной, тягостной была жизнь, если человек такого высокого дарования, такой большой силы духа, как Абай, признал себя стариком в сорок лет!

Одно за другим тяжелой и однообразной вереницей проходили столетия. Гнет и кабала притупляли разум, гасили дух, сокращали жизнь человека-труженика. Отец, как бы оправдывая себя или успокаивая сына, говорил о том, что деды жили так же, как живут и они. Казалось, что казахская земля застыла в своем однообразии, что для нее остановилось время.

Чтобы разорвать цепи, чтобы изменить жизнь и судьбу народа, ускорить ход времени, началась жестокая борьба народа с самодержавием. И в этой великой борьбе при поддержке лучших людей России казахи обрели свою свободу, самостоятельность, государственность.

На наших глазах меняется ныне облик казахских степей. За год наш народ успевает сделать то, что раньше невозможно было сделать за десятилетия, а за десять лет он совершает такие дела, каких раньше нельзя было сделать на протяжении веков. Наши годы равны целой эпохе.

Нам кажется, что годы удивительно коротки, мы перегоняем время, создаем моря в пустыне, сады в степях, изменяем русла рек. В созидательном труде, ставшем творчеством, проходят наши годы. Сознание величия эпохи придает нам силу и энергию. Мы идем в ногу с жизнью, поэтому, как говорится, нам некогда стареть. Известный казахский советский поэт Сабит Муканов в стихотворении «В мои 50 лет» пишет: «Доживу и до ста — и не буду дряхлеть!»

Мы идем к сорокалетию Великого Октября. Сорок лет — это большой срок для жизни одного человека и совсем малый для жизни народа. Но какой исторический скачок сделал мой народ за эти четыре десятилетия! От феодально-патриархального уклада жизни с его примитивным хозяйством благодаря Октябрьской революции казахи перешли к социалистическому укладу жизни, минуя капитализм — целую эпоху.

За сорок лет Советской власти Казахстан вырвался из невежества, безграмотности, создал новые города, заводы, фабрики, вузы, театры, дворцы культуры, покорил дикие пустыни и степи.

Социализм пробудил и вызвал к жизни неисчислимые богатства Казахстана, известного в недавнем прошлом своей отсталостью. Казахстан теперь — крупнейшая индустриально-аграрная страна. Металлообрабатывающая промышленность Казахской советской республики выросла против 1913 года в 1 757 раз, каменноугольная — в 383 раза. Сейчас в Карагандинском угольном бассейне добывается угля больше, чем его добывалось во всей дореволюционной России. Еще большие перспективы ждут мою республику в будущем. За шестую пятилетку, например, в Казахской ССР в хозяйство будет вложено 78 миллиардов рублей. Это в полтора раза больше, чем было вложено в первой пятилетке в народное хозяйство всего Советского Союза! Факты эти имеют глубокий исторический смысл для национального развития казахского народа, который до революции не имел рабочего класса и преимущественно занимался скотоводством.

Невольно вспоминаются слова Владимира Ильича Ленина на III съезде комсомола, когда гениальный вождь говорил о значении организованного труда для построения коммунистического общества. Сегодняшнее поколение казахов — это сознательные строители коммунизма, владеющие необходимыми арсеналами техники и культуры.

В необъятную степь, над которой когда-то летали лишь перелетные птицы, по которой ходили редкие караваны верблюдов, пришла теперь мощная техника. Ею владеют вчерашние кочевники, предки которых слагали так много песен, сочиняли так много сказок о том времени, когда все люди будут братьями, когда жизнь станет радостной.

В детстве я слышал много сказок. Рассказывала их моя бабушка, сидя в зимний вечер у костра, разведенного в юрте. Рассказывал их чабан, с которым мы, дети степей, уходили на весь длинный летний день «пить пастушью простоквашу и ловить птенцов». И, наконец, слышал их от певцов, выступавших перед народом в дни праздников.

И во всех этих сказках, несмотря на многообразие сюжетных ходов и ситуаций, основная идея сводилась к одному — к мечте о справедливой жизни на земле, об изобилии материальных и духовных благ жизни. В ряде сказок знойная, песчаная степь превращалась в необозримые луга, в цветущие сады с журчащими ручьями. В эпосе «Кобланды» крылатый конь героя покрывал шестимесячный путь за несколько мгновений. В легенде «Великан-птица» люди летали на крыльях.

Народ верил в свое будущее, в лучшие времена. Они наступили.

Понятно, что мне как писателю близка и дорога судьба нашей культуры. Когда-то наш предок, великий казахский просветитель, офицер русской службы, Чокан Валиханов писал, что восприимчивый казахский народ добьется исторически быстрого прогресса благодаря приобщению к русской культуре. Это пророческое предсказание Чокана сбылось.

Казахский народ является народом песни, музыки. Еще Александр Пушкин интересовался казахским эпосом «Козы Корпеш и Баян Слу». Казахская народная музыка, записанная русскими учеными-музыковедами, покоряла лучших представителей просвещенной России и Европы. Но никогда голос казахов так сильно и радостно не звучал, как в советские годы. Ансамбли народных инструментов, исполняющие не только свои национальные произведения, но и произведения русской и мировой классики, выступают во многих городах Советского Союза, включая Москву. Лучшие спектакли Казахского академического театра оперы и балета имени Абая, Казахского академического театра драмы известны во всей стране.

Казахская литература давно уже вышла на всесоюзную, а через нее и на мировую арену. Романы М. Ауэзова «Абай», С. Муканова «Ботагоз», «Сулушаш»; Г. Мустафина «Чиганак Берсиев» и «Миллионер» переведены на многие языки народов мира. Книги стихов А. Тажибаева, Г. Орманова, Т. Жарокова, А. Сарсембаева, Х. Ергалиева, Х. Бекхожина, Д. Абилева, О. Мауленова пользуются популярностью у советского читателя.

Прошлым летом я побывал на одном из далеких отгонных пастбищ и там видел, как молодые животноводы, получившие семилетнее и среднее образование, читают произведения Пушкина, Тургенева, Гюго на родном языке.

Когда-то я слышал сказку, которую потом узнал в одной из поэм Низами. Учась у великих поэтов прошлого, я часто прибегаю в своем творчестве к этому народному источнику искусства — сказкам, когда говорю о нашей действительности, о той действительности, которая превзошла всякие легенды, рожденные умом и сердцем народа.

И за эту действительность мы благодарны родной Коммунистической партии.

Самаркандское водохранилище в Темир-Тау.

ЦЕЛИНА ПРОДОЛ

В. СОЛОУХИН

Обыкновенно в августе здесь стоит такая погода: свежие густозвездные ночи и знойные безоблачные дни, лишенные, однако, своей изнурительной летней духоты: как-никак дело к осени. Тогда все, что видишь, оглянувшись вокруг, напоминает чашу из прозрачно-синего драгоценного материала, наполненную как бы золотистым напитком. Не имеющие видимого конца золотые поля и ровный солнечный свет создают это впечатление.

В такую-то погоду, в разгар уборки я уехал в прошлом году из целинного совхоза Кайракты в Москву: кончился срок командировки, да, кроме того, все уж было ясно. «Казахстанский миллиард» к этому времени из простого сочетания двух слов, что мелькали в газетах, превратился в реальность. Его можно было описывать и фотографировать. Он сыпался непрерывным потоком в бункеры десятков тысяч комбайнов, поднимался холмами на бригадных полевых токах, мчался по степным дорогам в кузовах грузовиков, подрагивал, погруженный на железнодорожные платформы, на стыках рельсов.

Именно тогда прозвучали слова, что Украине, хлеборобной Украине, житнице страны, придется уступить свое первое место Казахстану, которому еще недавно надо было завозить хлеб.

Когда в Атбасаре распахивается дверца самолета, в нее врывается жара, насыщенная всевозможными степными запахами, от хлебного до полынного, и каждый пассажир чувствует, что вот теперь он действительно окружен степью. Не так было на этот раз. Холодная сырость вместе с капельками дождя устремилась в открытую дверь, а вместо глубокой синевы увиделись серые, низко летящие облака.

Диспетчер Римма Дибаева почти на ходу вручает путевки.
Фото автора.

— Не удивляйтесь, две недели уже льет,— сообщил работник аэропорта, подкативший к самолету лестницу, — никогда такого не бывало. А в степи что делается! Не то весна, не то осень, не поймешь!

Действительно, приостановленные в своем росте наступившей жарой опаленные травы к августу бывают желтым-желты, отчего и вся степь остается в памяти желтой, как бы палевой, с редкими яркими облаками над ней, появляющимися обыкновенно во второй половине дня.

Теперь же было так, будто жгли за горизонтом гигантские костры, потому что клубилась оттуда темно-серыми клубами мгла. Она расползалась в три слоя по всему небу, не предвещая близкого конца непогоды. Время от времени проходила волна обильного дождя. От прохлады и сырости снова пошли в рост степные травы. Необыкновенно для этой поры зазеленели сопки, и степь оделась в весеннее платье. Только что тюльпанов не было рассыпано по его зеленому подолу.

Однако созревающим хлебам ни к чему весна.

И вот я вновь на центральной усадьбе совхоза. Встревоженному многими сомнениями, мне было радостно увидеть, что ходят, работают, занимаются своим делом спокойные люди. Никакой растерянности или огорчения на их лицах, никакой суеты в движениях, никакого уныния. На первые же два мои вопроса, которые я выпалил, едва поздоровавшись со старым знакомым моим, Василием Арсентьевичем Горбаченко, тот ответил: конечно, похуже прошлогоднего урожай, но совсем неплох. Вот только бы дожди убрать не помешали.

Центральная усадьба совхоза мало изменилась внешне за это время. Она была выстроена по плану в первый год освоения целинных земель, была выстроена раз и навсегда. Но с каждым днем, с каждым месяцем и годом появлялось все больше и больше признаков прочной оседлости, обжитости центральной усадьбы.

Возле иных домов, на задворках, то и дело увидишь аккуратные стожки сена: значит, есть в доме корова или овцы.

Перед окнами появились палисадники, в которых то поднимет свою гордую венценосную голову подсолнух, то растянет по земле сочные плети тыква, то вспыхнут ненадолго яркие садовые цветы. А в одном месте увидел я маленькие загородочки из частых-частых колышков. В такие загородки у нас, в средней полосе, сажают цыплят. Заглянув туда, я и надеялся увидеть там веселые желтые комочки, но ничего живого в загородке не было. Зато росли там крохотные, пожалуй, более нежные, чем цыплята, деревца, и было видно, что на них только что не дышат.

Каждый человек привез сюда свои привычки, которые постепенно начали проявляться все больше и больше: тот завел кроликов, тот собаку, а тот купил бредешок, чтобы в воскресенье можно было съездить на Ишим или на степные озера, где водятся жирные, похожие на подносы караси.

Сначала у всех, хотя бы и самых разных людей совхоза было одно общее: они приехали сюда, можно сказать, в один и тот же день, приехали как добровольцы, по одинаковым комсомольским путевкам. Тогда не нужно было спрашивать у целинника, какая судьба привела его на целину. Все было ясно. Спрашивали лишь, откуда человек приехал. Теперь иначе.

Не далее, как прошлый год, перед началом уборки вдруг обнаружилось, что на центральном току в соломе ночуют какие-то паренька. Когда они предстали перед директором, то выяснилось, что ребятишки эти прибежали на целину из глухих лесов Владимирской Мещеры, из-под Гуся-Хрустального, точь-в-точь, как некогда, начитавшись Майна Рида и Фенимора Купера, мальчишки пытались удрать в Америку. Но тем обычно не удавалось уехать дальше первого же полустанка, а эти вот, поди же, достигли цели.

У девушки Риммы Дибаевой, что сидит теперь в диспетчерском вагончике, возле гаража, и вручает путевки отчаянным целинным шоферам, другой путь. Учась в школе недалеко от Уфы, она на каникулы приезжала к брату Рашиду. Один раз приехала — снова уехала; другой раз приехала — снова уехала, на третий раз приехала — осталась в совхозе навсегда. Теперь как-то уже и не представить совхоза без диспетчера Риммы Дибаевой.

Зоя Федорова, теперешний библиотекарь совхоза, — сирота. Она воспитывалась в детском доме. Впрочем, тогда она еще была Зоей Яковлевой, а Сережа Федоров был ее другом. Он тоже сирота, воспитывался вместе с Зоей. Потом около десяти лет они жили в разных городах и только письма соединяли их. Однажды Сергей написал: «Я уехал на освоение целинных земель. Если хочешь быть со мной, приезжай». И вот Зоя работает библиотекарем в совхозе Кайракты. Она носит фамилию друга своего детства, помощника бригадира пятой полеводческой бригады Сергея Федорова.

У Людмилы Александровны Колесниковой, учительницы, менее романтичная история. Просто ей написала подруга, что в целинном Атбасарском районе очень-очень нуждаются в учителях. И вот вместо города Козьмодемьянска, что в Марийской АССР, Людмила Александровна живет в совхозе. История-то проста, да ведь подумать только: уже пятьдесят пять учеников в Кайрактинской школе! Три года назад здесь не было не только ни одного ученика — ни одного жителя. Но вот появляются люди, наши, советские люди, и неизбежно появляются в первую очередь библиотека, клуб, школа, родильный дом, больница, детский садик...

Да, теперь уже не в одном комсомольском эшелоне приезжают люди на целину, а каждый своим путем. И люди все разные, разного возраста, разного жизненного опыта.

А вот вчера в конторе совхоза стало известно, что в Атбасаре сидит некий академик и что за ним нужно послать автомобиль.

Аня Беспалая никакой не ака-

демик, а просто-напросто ветеринарный врач, только что окончившая Киевскую сельскохозяйственную академию, действительно сидела в Атбасарском тресте совхозов, действительно ждала автомобиль из совхоза Кайракты.

Нужно сказать, что когда в Киеве Ане предложили ехать в районы освоенных целинных земель, она слегка удивилась: не тракторы же с комбайнами должен лечить ветврач! Целина в ее представлении была скоплением сельскохозяйственной техники. Откуда в целинном совхозе, образовавшемся три года тому назад и все силы отдающем выращиванию урожая и его уборке, откуда в нем быть разным коровам, да овцам, да свиньям?

В Акмолинске Ане Беспалой предложили ехать на выбор в любой район: ветврачей везде недохватка. При этом директор треста перечислил районы области.

— Хотите, поезжайте в Атбасарский, — сказал он, — а хотите — в Баранкульский. Можно поехать в Есильский, Кургальджинский, Шортандинский, а также Эркеншилский районы. Везде вам будут рады, везде вы будете нарасхват.

— Вы-то в какой посоветуете?

Директор треста был добрым человеком.

— Я посоветую вам ехать в Атбасар. Земли этого района прорезает железная дорога. А это, как вы потом убедитесь, очень важно.

В Атбасаре молодому врачу предложили на выбор несколько совхозов. И снова ей было все равно, потому что не знала ни одного из них. Пусть будет Кайракты, по крайней мере есть речка.

И вот уже несколько часов Аня Беспалая ждет автомобиля из этого загадочного для нее совхоза Кайракты, где придется работать не день, не два, а годы.

Дождь, зарядивший с утра, перемежался редко и ненадолго. На улицах городка не высыхала жидкая грязь. Аня видела, как в ней беспомощно барахтаются и буксуют грузовики. Наверное, и тот автомобиль забуксовал в степи, и теперь долго придется сидеть в этой неуютной комнате и смотреть на этот нудный, серый дождь.

Однако к вечеру появился под окнами залепленный грязью вездеход. Аня поняла, что это за ней.

Шофер оказался не очень-то разговорчивым парнем. Однако, когда Аня спросила у него, зачем совхозу понадобился ветврач, он удивился:

— А вы разве ничего не знаете? Мы теперь берем курс на бурное развитие животноводства. Это будет как все равно вторая целина. Посудите сами: зачем отсюда в такую даль возить зерно? Может быть, часть его лучше превращать в сало здесь, на месте?

Шофер возил директора совхоза, и Аня поняла, чьи мысли он высказывает.

— А сейчас-то много у вас... моих пациентов?

То, что ответил шофер, поразило Аню Беспалую сильнее, чем пушечный раскат грома, прокатившийся как раз в эту минуту по необъятному степному небу. Тучи, заполнившие небо, уже приобрели легкий багряный оттенок: где-то за их пеленой невидимое садилось солнце.

Удивление молодого ветврача, впервые приехавшего в совхоз, понятно, потому что и сам я, проследивший весь путь совхоза, весь его рост, начиная даже не с первого дня образования, а еще раньше, когда лишь шли разговоры о его образовании, так вот я тоже был удивлен.

Когда я спросил у главного агронома, не провезет ли он меня, по старой памяти, по своему необъятному хозяйству, тот ответил, что, конечно, провезет, но что сначала передаст меня в руки совхозных зоотехников.

Даже обида взяла. В зерновом совхозе попасть в руки зоотехников — все равно, что на фронте попасть в обоз.

В это время подошли к нам зоотехник Лидия Михайловна Вытнова, высокая молодая женщина, кажется, из семиреченских казачек, и ветврач, только вчера лишь приехавшая в совхоз Аня Беспалая.

Десять минут спустя мы уже мчались по степи осматривать хозяйство Лидии Михайловны.

— Знаете ли, как мы спасали телят в первую зиму? — рассказывала она. — И смех и грех. Помещения не закончены, почти без крыш, дует, а зимы здесь, может, слышали, очень свирепы. Но коровам дела нет. Срок пришел — начинают телиться. Хорошо, что еще не так много было у нас тогда стельных коров. Телята и вовсе не виноваты, однако шерстка их мокрая сразу же корочкой ледяной схватывалась.

— Ну и как же вы их... оттаивали?

— Выписала я со склада 50 стеганок, да в стеганки телят-то и одевали.

— Как так в стеганки?!

— А так. Передние ножки в рукава, а на спине застегивали на все пуговицы. Ни одного теленка не пало, всех спасли.

— Как велико теперь совхозное стадо?

— То есть вы спрашиваете про совхозные стада? Теперь у нас тысяча сто голов крупного рогатого, да овец более двух тысяч, да свиней 625, да четыре тысячи разной птицы, да 130 лошадей. На будущий год приумножим эти цифры, и будет целина не только хлебная, но и молочная, и мясная, и сальная.

Новый ветврач теперь не спрашивала уже, зачем она понадобилась в целинном совхозе, она думала о другом, а именно: справится ли одна, не затребовать ли себе помощника?

В этот день мы объехали не менее ста километров, и всюду среди привольной степи попадались нам то птицеферма, то отары овец, то гурты скота, то табуны лошадей. Как известно, от обильных дождей пошли в новый рост травы — скот чувствовал себя превосходно.

А что же хлеба, что же уборка?

Природа в этом году сыграла с хлебами коварную шутку. С весны, когда были засыпаны в землю хлебные зерна, установилась великая сушь, так что прохладные росточки, высунувшись из темноты, попали сразу под горячий ветер, под беспощадное жгучее солнце. И многие зерна не выбросили росточков, притаились в земле, как будто их и не было.

А те, что проросли, тянулись, тянулись кверху, потом заколосились, потом зацвели, потом стали наливаться. Не то, чтобы прошлогоднему чета, но все же урожай как урожай, есть что убирать, есть что ссыпать в элеваторы и зерносклады.

Но в это время, когда и стоять бы хорошей погоде, чтобы как следует доспела пшеница да чтобы как следует ее убрать, ударили проливные дожди. Притаившиеся до поры до времени зерна вдруг угрожающе пошли в рост. Быстро догнали по высоте созревающие растения, и степь приняла странную золотисто-зеленую окраску.

— Что теперь нам делать? — не то спрашивал, не то объяснял Василий Арсентьевич, направляя вездеход прямо по лужам. — Дожидаться, когда дозреют эти молодые колосья, нельзя: старые к тому времени осыплются. Вместе их косить тоже не выходит: гореть будет в буртах такое зерно.

— Действительно, что же делать? — спросил я, удрученный безвыходностью положения.

— Сделать можно, — спокойно ответил агроном. — Лишь бы сверху лить перестало. Нужно валить хлеб на стерню, тогда поздние зеленые зерна ссохнутся, а ранние, наоборот, дойдут, дозреют. Но для этого нужно, чтобы прекратились дожди, а то стерня в нынешнем году редкая, прибьет дождем к земле скошенные колосья, не подберешь, расти начнут.

— Да, нелегко вам.

— Легко хлеб только кушать. А растить да убирать его всегда было трудно. Сказано: в поте лица... Здесь, на целине, мы ведь не цветочки собираем. А как трудно бывает зимой! Мороз, ветер, погода переменчивая. От каждого человека она требует выносливости и главное — осторожности. Вышел в поле по солнышку, а через десять минут ничего не видно вокруг, до дома не доберешься.

В это время мы проезжали мимо полевого стана бригады и заметили там некое оживление. С криками, с хохотом человек двадцать ребят и девушек бегали за рослым неуклюжим парнем. Наконец догнали, окружили, огрудили его. Толпа начала перемещаться в сторону цистерны с водой. Видимо, парня тащили на руках.

— Раздевай, нечего на него смотреть! — были слышны крики. — Вперед умней будет.

Как выяснилось потом, парень был неряха, а работать ему приходилось около трактора. Ясно, что после этого его можно было

Зоотехник Л. М. Вытнова и пастух Шакен.

принять за представителя темнокожих. И простыня у него на постели была черная, в масле. Долго терпела бригада, и вот терпение лопнуло. Сговорились, поймали, подтащили к цистерне, раздели и по всем правилам, с мочалкой и мылом, устроили баню. Она была прохладная, но пользу, конечно, принесла. Известно: в здоровом теле — здоровый дух. Главный агроном не мешал этой своеобразной экзекуции, а исполнители ее увлеклись и не заметили присутствия посторонних зрителей.

...Иван Шубин пришел в совхоз из училища механизаторов. Однако военный китель, правда, без погон, и военную фуражку он еще не успел сменить на штатский пиджак и на какую-нибудь там кепчонку.

Механизатор как механизатор. Назначили его в третью бригаду к Николаю Богатыреву, дали трактор: ремонтируй, скоро посевная. Однако чем больше присматривался Богатырев к новому человеку, тем больше понимал, что появились у него в бригаде золотые механизаторские руки. Как новенький, без «чиха», без стука, без перебоев, заработал отремонтированный трактор. День и ночь таскал он за собой агрегат из трех сеялок. Бригадир теперь знал: за Шубиным можно не смотреть, там будет все в порядке.

Всю зиму готовился совхоз к посевной. В жестокие морозы, когда руки прикипают к железным частям, идет ремонт машин. И все это для нескольких дней штурмовой работы, потому что нужно поймать момент для сева, когда земля уже оттаяла, но еще не просохла, не отдала ветрам свою влагу. В степи этот промежуток очень короток.

Бригада Богатырева отсеялась в этом году дружно, быстро, за какую-нибудь неделю. Шубинский агрегат успел за это время засеять не меньше пятисот гектаров. «Добрый попался работник, — радовался про себя бригадир, — работает спокойно, ровно, не горячится, а сделанного получается больше всех. Только так и нужно работать. Поставим его на комбайн. На уборке он не так еще развернется».

На комбайн Шубина поставили, но дальше все пошло не так, как хотелось бригадиру. Однажды молодого комбайнера вызвал к себе парторг Рашид Дибаев.

— Приближается горячее время. Студентов приедет человек триста. Люди все будут в полях, работы будет много,— начал парторг, а Шубин не понимал, к чему он клонит.— Чтобы обеспечить работу всех людей, нужен нам энергичный, толковый человек. Короче говоря, хочу порекомендовать тебя на завторга.

Комбайнер вскочил на ноги:

— Меня на завторга? Шутите, товарищ Дибаев? А комбайн кому? Разве я могу уйти с комбайна?!

— Нет, ты пойми, — спокойно начал убеждать Рашид, — там ты обслуживаешь работу одного комбайна, а здесь будешь обслуживать работу всех-всех комбайнеров, да не только комбайнеров, а и трактористов, и механизаторов, и шоферов — всего совхоза, одним словом...

От парторга Шубин вышел через час расстроенный, обескураженный, сбитый с толку. Но уже на другой день видели его то в одном, то в другом магазине. К вечеру он сгружал с автомобиля продукты, привезенные из Атбасара.

Шло лето, зрели хлеба, приближалась уборка. Председатель рабкоопа Дмитрий Андреевич Лец не нарадуется новым завторгом.

Однажды, когда начинающий снабженец ходил около ящиков с блокнотом в руках и помечал что-то время от времени в том блокноте, тихо подошел к нему Николай Богатырев. Завторг почему-то смутился, увидев бывшего своего боевого бригадира.

— Ну-ка, руки покажи, — потребовал вдруг Богатырев. И Шубин растерянно показал ему свои руки, которые были, правда, поцарапаны кое-где о фанерные продовольственные ящики, однако ни масла, ни машинной черноты на них уж давно не было.

— Так...— протянул бригадир и ушел, не сказав больше ни слова.

Когда мне случилось разговориться с Богатыревым о его бывшем комбайнере, бригадир отвернулся в сердцах, как будто речь зашла о чем-нибудь крайне ему неприятном.

— Мы были о Шубине одного мнения,— все же ответил он,— а теперь кончился для нас Шубин.

— Но специалист он не плохой?

— Он не специалист,— еще сердитее отвечал мой собеседник. — Он, если хотите знать, асс. Золотые руки! Были золотые, а теперь у него они просто белые.

Однако Богатырев не знал, что чем ближе подступают дни уборки, тем хуже спит по ночам злополучный завторг. Однажды он пришел к нефтебазе и попросился на бензовоз, уходящий как раз в седьмую бригаду. Шофер Кравченко всю дорогу старался дознаться, что понадобилось работнику торговли в полевой бригаде, но так и не дознался. Дело в том, что Шубину там ничего не было нужно. Просто потянуло посмотреть на те 500 гектаров, которые он засеял с весны и которые убирать теперь будет кто-нибудь другой · на его же, шубинском, комбайне.

Пшеница стояла ровная, справная, поспевающая. Наверное, она была такая же и на других участках, но Шубину эта «своя» пшеница казалась справнее, чем в других местах. Он походил по полям и пришел на бригадный стан, чтобы с попутной машиной уехать обратно на центральную усадьбу. На бригадном стане его друзья устанавливали огромную серебристую цистерну. Шубин подошел, чтобы им помочь. Богатырев, обернувшись, не удивился и просто сказал: «А, это ты? Смотри, руки испачкаешь», — и снова занялся своим делом.

Зато когда Шубин уехал, равнодушие с его друзей как рукой сняло. Они дружно стали обсуждать, зачем понадобилось приезжать в бригаду Шубину.

— А ведь, пожалуй, сбежит наш Иван, не выдержит во время уборки его механизаторское сердце.

— Ну что ж, я отдам ему свой комбайн, а сам пересяду на трактор, — сказал один из комбайнеров.

— Так и запишем, — подтвердил Богатырев, как будто все уже решилось.

— Да и нелепо такого специалиста во время горячей уборки в обозе держать.

— Сбежит, не волнуйтесь, ребята. Уж если без всякого дела в бригаду приезжал, значит, обязательно сбежит.

— Придумали тоже, из боевого, можно сказать, комбайнера завторга сделать.

Между тем председатель рабкоопа Лец с беспокойством заметил, что Шубин особенно активизировался за последние дни. Он завез в виде резерва около двух тонн рису, тонну гречки, полтонны овсянки, полтонны манки, три с половиной тонны муки, семьдесят ящиков масла, сахару, воблы, вяленого леща, всевозможных консервов...

Теперь — порядок. Теперь можно и к парторгу идти. Мол, вы взяли, вы и отпускайте. Не может быть, чтобы не отпустили комбайнера в такое трудное для целинного урожая время!

...Едва самолет, улетающий из Атбасара в Москву, ложится на курс и набирает высоту, как под ним расстилаются обширные Кайрактинские поля.

В день моего отлета с утра установилась наконец тихая солнечная погода. Хорошо было видно сверху и центральную усадьбу совхоза, и поблескивающие невдалеке плесы реки, и разветвление дорог к полевым станам бригад, и самые полевые станы. То тут, то там различались окруженные желтизной полей зеленые куски нетронутой степи, и тогда, если присмотреться, можно было увидеть как бы скопление муравьев — пасущиеся совхозные стада.

Вот от центральной усадьбы по дороге быстро движется черная точка. Наверное, директор Мамонтов или Горбаченко, обрадованные хорошей погодой, поехали по бригадам, а может быть, это новый ветврач решила съездить на выпасы, а может быть, первоклассный шофер Иван Кравченко повез горючее в седьмую бригаду, где уже снова принял свой комбайн завторг Шубин.

Как бы то ни было, там, на земле, продолжается нормальная, будничная трудовая жизнь. Поднятая, обжитая целина в надежных руках, и ни засуха, ни дождь, ни морозы не помешают целинникам делать их мужественное, благородное дело.

Теперь самолет летел уже над землями других совхозов, но все было похоже: и центральные усадьбы, и полевые станы, и степные дороги, по которым свой Горбаченко ехал в поле решать свои неотложные дела.

Самолет летел уж несколько часов, но не было конца распаханным казахстанским землям, взрастившим море пшеницы.

ВЕЛИКИЙ СКРИПАЧ

Исполнилось 175 лет со дня рождения великого итальянского скрипача и композитора Никколо Паганини. Паганини дебютировал в 1793 году в городе Генуе, где он родился. Одиннадцатилетний музыкант сразу же выступил и как скрипач и как композитор, исполнив собственные вариации на французскую революционную песню «Карманьола». С 1828 года начинаются блистательные гастроли Паганини по Европе: он выступал в Австрии, Чехии, Бельгии, Германии, Франции, Англии...

Паганини первый из скрипачей стал в концертах играть наизусть. Приемы его игры оказали большое влияние на все развитие скрипичной школы, на искусство пианизма и инструментовки в целом.

Современники Паганини — восторженные почитатели его таланта. Среди них были композиторы Дж. Россини, Ф. Лист, Ф. Шопен, Р. Шуман. Услышав впервые игру гениального скрипача в 1831 году, 20-летний Лист писал: «...какой человек, какой скрипач, какой художник!..»

Н. АЛЕКСЕЕВ

Никколо ПАГАНИНИ. **Рисунок Г. Ингера.**

В Ершовском совхозе, Кустанайской области (Казахская ССР). На току 5-й бригады.
Фото С. Фридлянда.

Балтийский ветер
вдруг ворвался в город.
Клочками туч плыла ночная мгла.
И черный глаз орудия
«Аврора»
Решительно на Зимний навела.

Так в эту ночь под гул разноголосый
Заря эпохи новой занялась:
Рабочие, солдаты и матросы
Свою навеки утвердили власть.

В их памяти все живо:
гром орудий
И штурм дворца — неповторимый час!
Мы благодарны им:
ведь эти люди
Открыли дверь в грядущее для нас.

Надежда ПОЛЯКОВА

ОНИ ШТУРМОВАЛИ ЗИМНИЙ

На снимке (слева направо): В. И. Кондратьев, А. А. Половинчук, Н. В. Ермолаев, М. В. Захаров, И. Е. Царев, П. С. Калягин, М. И. Коршунова, Н. Д. Блохин, А. А. Брылина, В. В. Васильев, А. П. Ефремов, П. Д. Никитин, Л. Б. Павлов, В. В. Агафонов, А. К. Мирошников, М. Ф. Юсупов, П. Ф. Семенченко.

Фото Дм. Бальтерманца.

Президент Академии наук Казахской ССР К. И. Сатпаев.
Фото С. Фридлянда.

Немногим более десяти лет существует маленький городок Темир-Тау. В ближайшие годы этому красивому уголку на улице Панфилова предстоит стать окраиной нового, большого Темир-Тау.

ВЧЕРА, СЕГОДНЯ И ЗАВТРА

С. ФРИДЛЯНД

Фото автора.

Если бы молодой человек наших дней сумел на «машине времени» пролететь над Центральным Казахстаном назад три — четыре десятилетия, он увидел бы там только редкие приметы человеческой жизни. Сотни тысяч квадратных километров безводной степи, редкие поселки, бугорки юрт скотоводов, выжженные солнцем и приникшие к сухой земле полынные травы...

Наш путешественник мог бы наблюдать вековое безмолвие земель, таящих в себе невиданные богатства. К ним, этим богатствам, тогда уже тянулись жадные руки. История оставила нам примечательный документ, в котором нахальства столько же, сколько и слепоты. Английский капиталист Лесли Уркварт писал в 1928 году Советскому правительству:

«...Не дадите ли Вы мне... поковыряться в казахской степи около Балхаша и дальше? Раньше, чем через 50, а может быть, и 100 лет, Вы этими местами не займетесь, а я поищу и что-нибудь найду».

Не через пятьдесят — сто лет, а всего лишь через год — два советские люди начали осваивать пустынный край.

...1930 год. Моими спутниками были геологи. Они начинали тогда генеральный штурм «белых пятен» на карте страны. Усталые, возвращались они на базу из безлюдной степи, нагруженные образцами, с блокнотами, распухшими от записей. Я вспоминаю юного студента-практиканта Валю Петрова, делившего со мной скромный кров — палатку. Страсть к науке, к романтике открытий привела его из глухой смоленской деревушки в институт, а затем в пустынные казахские степи. Роясь в куче камешков, Валя возбужденно восклицал:

— Как мы богаты! Вы даже не представляете!

Прав был Валя Петров! Главная кладовая природных богатств республики оказалась в глубинах безлюдной, сухой равнины Центрального Казахстана. Первое место в СССР по запасам меди, черных металлов и вольфрама, второе — по запасам угля. В одной Караганде обнаружен угольный бассейн мощностью в несколько десятков миллиардов тонн коксующегося угля.

* * *

Немало книг написано об открывателях золотых жил, о лихорадке наживы, о насыщенной аферами и убийствами жизни в их поселениях. Свои города они начинали строить с игорного дома, банка и кабака. Те новые города не знали молодости. Они с юности выглядели старыми.

Появление новых советских городов — их в годы пятилеток построено более трехсот — ничем не напоминает печальную историю мировых клондайков. Взгляните на Темир-Тау! Недавно этот город отметил свою десятую годовщину.

Геодезистки Зина Абрамова и Рая Омарова.

Казахстан. Темир-Тау. На строительстве казахской Магнитки. Монтаж оконных переплетов.

Казахстан. Темир-Тау. На строительстве казахской Магнитки. Верхолазы-монтажники окончили смену.

Кругом еще стоят башенные краны, а для детей уже построены сады и школы.

Он возник как поставщик электрической энергии и воды Караганде. На двадцать километров протянулось здесь искусственное озеро, созданное на течении маленькой, бегущей с далеких гор речки Нуре.

Так и стоял бы беленький городок в казахской степи, как скромный спутник Караганды, но судьба его недавно резко изменилась. Сейчас в Темир-Тау один за другим приходят эшелоны с тяжелым оборудованием, строительными механизмами и автомашинами. Чуть ли не каждую неделю тут встречают молодых строителей. Из Алма-Аты, Москвы, Ленинграда и других центров страны приезжают и прилетают проектировщики, инженеры, архитекторы, геологи. По директиве XX съезда КПСС близ Темир-Тау, на пустынных увалах, сооружается новый гигант советской индустрии — Большой Карагандинский металлургический завод полного цикла.

— Вы спрашиваете, почему именно здесь строится металлургический комбинат, — сказал мой спутник, заместитель главного инженера Казметаллургстроя Иван Яковлевич [illegible]. — Удобнее места не придумаешь. Рядом коксующиеся угли Караганды. Немного дальше, в трехстах пятидесяти километрах к югу, богатейшие Атасуйские месторождения превосходной железной руды и марганца. В пятидесяти километрах отсюда найдены солидные запасы известняка. Вот вам почти и все необходимое для производства черного металла. И все под рукой, близко. Завод будет предельно автоматизирован и даст самый дешевый в стране металл. Он выпустит его больше, чем все предприятия черной металлургии царской России.

На огромном пространстве, взлохмаченном сотнями землеройных, перевозящих, подрывающих землю и камень машин, идет стройка. В центре, на единственном пока поднявшемся от земли кверху монументальном здании на головокружительной высоте верхолазы-монтажники устанавливали огромный металлический каркас. Клювы кранов подтягивали к нему массивные блоки бетонных перекрытий. На первом плане — котлован под фундамент первой домны будущего завода. Справа уже обозначилась площадка коксохимического завода, а за ней — агломерационной фабрики и рудных складов.

На местах будущих мартенов еще пасутся коровы, последний год жуя здесь скудные летние травы. Резкий ветер гонит по степи перекати-поле, клонит к земле серебристые метелки ковыля.

— Что значит завод полного цикла? — добавил Иван Яковлевич. — От бесформенного куска железной руды до проката самого широкого профиля, в том числе тончайшей листовой стали толщиной в пятнадцать сотых миллиметра, — все это здесь будет.

* * *

Дважды в день, утром и вечером, я проходил по улице Строителей, пока еще единственной улице нового Темир-Тау, имеющей название. Каждый раз она была иной. Вчера тут клубилась строительная пыль, не умолкая постукивали на крыше молотки, а сегодня к вечеру в просветах широких окон появились занавески, а из подъезда выбежала девочка с ученическим портфельчиком в руках.

В этой быстрой смене городского пейзажа сегодняшний день так переплетается с завтрашним, что уже незаметна граница между ними. Вот так незаметно в один из близких дней жители маленького городка Темир-Тау, обладатели широкого главного проспекта, нарядных домов и эффектной колоннады монументального Дворца культуры, с некоторым огорчением увидят себя на окраине большого Темир-Тау, безостановочно продвигающегося к ним от заводской площадки.

Молодой инженер, прораб сотого квартала, Владимир Шестернев справедливо гордится тем, что у них в Темир-Тау объем крупноблочного строительства чуть ли не больший по всему Союзу:

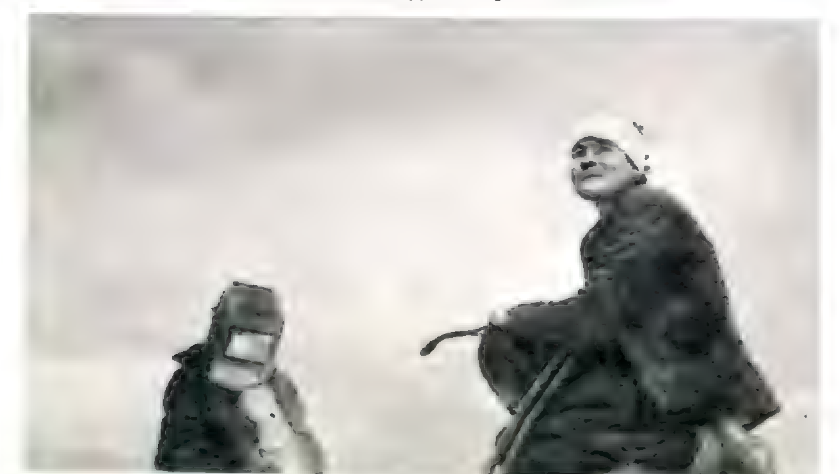
— Наши строители уступают только москвичам и ленинградцам. Мы упростили номенклатуру шлакобетонных блоков, сведя сорок семь типов и размеров к девятнадцати. От фундамента до крыши наши бригады добираются за двадцать пять — тридцать дней. После отделки к услугам новоселов Темир-Тауской целины двадцатичетырехквартирный дом со всеми удобствами: водопроводом, ванной, канализацией.

В головной части нового города уже более двухсот зданий. Это город молодежи, и сравнение с целиной не случайно. Как и на целине, жизнь здесь возникает на веками не тронутой земле. Здесь, как и на целине, уже появились первые старожилы в возрасте от одного дня до полутора лет. Они с полным основанием могут сказать о себе, что вся их жизнь прошла в Темир-Тау. Для них сегодня строится завтрашний день города в казахской степи.

Учиться строить приехала в Темир-Тау болгарская молодежь. Каменщик Динко Дончев Господинов из Бургаса обучается методам индустриального строительства у старого, опытного мастера депутата Верховного Совета Казахской ССР Укена Турмагамбетова.

Мы спросили газорезчицу с Украины Ларису Колесник, не скучает ли она по вишневым садочкам.
— Нисколько, — ответила Лариса, — работа интересная, вечерами учусь в школе. А садочки насадим и тут... Обязательно!

И весной угасают звезды

Рене Депестр родился 29 августа 1926 года в Жакмеле (Гаити).
Первую книгу поэм опубликовал 19 лет. В 1950 году тетрадь его стихов была сожжена полицией в Гаити. С этого времени родная страна стала для него недоступной, и он вынужден жить в изгнании. В 1952 году был выслан из Кубы. Вместе с Жоржи Амаду и Пабло Нерудой принимал участие в подготовке Первого конгресса в защиту культуры в Америке.

Рассказ

Рене ДЕПЕСТР

Рисунки А. ЛИВАНОВА.

Это случилось в тот день, когда в Коломбии, маленьком городке штата Теннесси, птицы как бы в ответ на проснувшуюся радость жизни в природе и среди людей торжественно признали приход весны. Все пятилетие войны они прилетали с весной лишь вестниками человеческих страданий, отказавшись от своей миссии посланцев радости. Но вот уже десять месяцев, как их участие в чудесном весеннем ликовании не выглядит больше как неуважение к пролитой крови. Все живое снова готово вкусить от пиршества царицы времен года. Поэтому в чаще лесов, на телеграфных проводах, среди шепота вновь встретившихся влюбленных опять звучат лирические трели птичьих гимнов. А солнце, роса, былинки, бабочки, люди и самые обездоленные твари с благодарностью внимают птицам, вдохновенно прославляющим возрождение света в шумном потоке жизни.

Коломбия 1946 года, которую май украсил жемчужным ожерельем, тоже празднует свое возвращение в чудесный круговорот мирного бытия. Даже Минк-Слайд, это черное гетто города, столица блох и крыс всей Америки, пристанище всевозможных болезней, приют, где доживают свой век уставшие тянуть лямку домишки и лавчонки; даже Минк-Слайд, где всевозможное старье, выброшенное белыми на свалку, неожиданно вновь обретает молодость благодаря ухищрениям негритянской нужды; Минк-Слайд, где человеческие чувства, мечты о будущем, надежды преследуются, как разбойники на большой дороге; даже черное гетто Минк-Слайд, друзья мои, в эти дни весенней благодати утратило свой вид неизлечимой язвы.

— Право же, весна ничего общего не имеет с расизмом!

— И, конечно, солнце не держит за пазухой членский билет ку-клукс-клана!

— Никогда еще на памяти негров птицы не пели в ночь линчевания!

— А доброе небо Америки! Кто видел хоть раз, чтобы убийца-линчеватель вытирал окровавленные руки о его чистые облака!

Эти и многие другие слова рождались на устах людей Минк-Слайда, ибо таков простой инстинкт счастья, такова яркая молодость весны.

* * *

— Право же, весна ничего общего не имеет с расизмом!

Это сапожник, дядя Сэм, приветствует возвращение весны, стоя на пороге своей лавчонки. А Бесси Аллен, проходя мимо, подхватывает его приветствие, словно красную розу, которую можно приколоть к корсажу.

Бесси — негритянка средних лет, она сохранила черный огонь глаз — последнее напоминание о том времени, когда ее очарование казалось сказкой, заблудившейся среди нищеты Минк-Слайда. Нищета с упорством крота подкапывалась под красоту ее тела и за несколько лет справилась и с царственной посадкой головы, со зноем губ, прелестью груди, стройностью высоких бедер. Только глаза каким-то чудом уцелели среди этого разрушения — глаза, неожиданные на этом лице, как острова в океане, как последние часы угасающей жизни. В ее душе слова дяди Сэма встретили неожиданный отклик. «Какое дело весне до расизма!» Именно это мог прочесть в глазах негритянки каждый в Минк-Слайде. Тем более, что для нее сияние весны сливалось с другим светом, который за два дня превратил ее жизнь в чудо. Скоро, после четырехлетней жестокой разлуки, возвращается ее сын! Он демобилизован! Цел и невредим! Он жив! Это слово трепетало в ее душе, как ребенок в чреве матери. Мечту о его возвращении она лелеяла больше четырех лет, и вот пройдут сутки — и она познает волнующую радость сбывшейся надежды. О благодатные слезы облегчения! Она не забудет, как они катились по морщинам ее лица. А она так боялась, что больше ей уже не почувствовать рядом с собой юношескую свежесть сына!

Когда вспыхнул пожар в Пирл-Харборе и стало ясно, что опасность нависла над всеми американскими семьями, она вступила в долгую молчаливую борьбу с собственным сердцем. Она вынудила его пожертвовать собой ради интересов звездного знамени. И тогда сердце послушалось ее. Но все четыре года оно, как обезумевшая птица, носилось по морям и лесам следом за Дугласом, выполнявшим свой долг: как будто мелодичная песня птицы-сердца могла изменить слепой полет пуль. Но пули миновали тело ее сына! Война возвратила его матери. И весна, которая непричастна к ку-клукс-клану, надела свой самый прекрасный наряд, чтобы отпраздновать возвращение Дугласа, чтобы сердце Бесси забилось, как самый неистовый из всех пасхальных колоколов. Жизнь ликовала в ее теле, жизнь обездоленных вдов всего мира.

Она вспомнила, что надо скоренько что-нибудь придумать, чтобы сделать их лачугу более уютной. Ее сын повидал много стран, где негры, наверно, не знали участи людей Минк-Слайда. На корабле он жил с удобством, как белые моряки. Надо, чтоб он не почувствовал себя чужим под материнским кровом.

Она взяла новые газеты и кое-как прикрыла дряхлые стены. Убогий стол она прикрыла клеенкой из пластмассы. Безнадежный вид матраца скрыло покрывало в красных цветах. Комната приняла более веселый, более жилой вид. Оставалось только отдать в починку радиоприемник. Дуглас любил ловить передачи больших негритянских оркестров из Чикаго, Нью-Йорка, Нью-Орлеана. Этого ему, наверно, очень не хватало на фронте. Особую власть над ее мальчиком имели блюзы. Иногда по вечерам, прослушав добрую дюжину блюзов, он вдруг выключал приемник и хватался за тетрадь и карандаш; ему потом долго приходилось напоминать, что пора спать. Он говорил, что пишет поэму. Она не совсем понимала, что это такое. Она приложила все свои силы, чтобы он мог посещать школу; конечно, в его голове теперь были миры, недо-

ступные бедной негритянке. Дуглас будет чувствовать себя несчастным без любимого радиоприемника. И она отнесла его к Джорджу Стивенсу, одному из лучших белых мастеров Коломбии.

— 15 долларов, — бросил Стивенс, взглянув на аппарат, как на гноящуюся язву.

Эти слова вонзились в сердце Бесси, как пятнадцать ножей. Больше половины ее заработка уборщицы! Она попробовала было поторговаться с господином Стивенсом. Эти грязные негры, думал Стивенс, воображают, что каждый палец руки белого — это Иисус, творящий чудеса и превращающий кофейные мельницы в телевизоры.

— 15 долларов. Не хочешь — не надо.

Какое дело белому господину, думала Бесси, до забот матери-негритянки, ожидающей возвращения сына-героя? Она почувствовала боль в руке, когда протянула Стивенсу 15 долларов.

* * *

Дуглас Аллен, поступив семнадцати лет добровольцем на флот, воевал на море и на островах Тихого океана до последнего дня войны. За героическое поведение в боях, особенно на Окинаве, одном из самых адских участков Дальневосточного фронта, он был награжден самыми почетными американскими орденами и получил их из рук самого генерала Макартура. Лучезарная карьера моряка неотступно мерещилась ему. Он любил море. В своих поэмах он сравнивал его с растущими надеждами народов. В его синий покров он мысленно укутывал свою будущую любовь. Морские штормы, трагическая песня бурь странным образом напоминали ему историю его расы. Провести жизнь на морском просторе, писать романы, вдохновляясь морем, мечтать о любви, вглядываясь в струю за кормой, воевать за свободу под сенью морских знамен — ему казалось тогда, что нет лучшего способа стать настоящим человеком.

Но как только его крейсер под победные клики вошел в порт Сан-Франциско, Дуглас узнал, что в мирное время черные моряки могут выбирать только между профессией корабельного повара и демобилизацией. С равенством между белыми и неграми еще можно было мириться там, где неистовствовали японские торпеды и самолеты, думал Дуглас, но это равенство не в традициях мирного времени. Негров считают достойными только умирать на поле брани, но в обычное время жизнь со всеми ее повседневными благами никогда не будет доступна чернокожему. Корабельные повара — это бедные родственники океана. Он швырнул в море свои ордена и сплюнул, вспомнив о рукопожатии генерала Макартура.

Победа в глазах жителей Сан-Франциско была величайшим счастьем. Но права участвовать в общем торжестве за Дугласом не признавали. Ликующая толпа, завладевшая улицами города, вытолкнула его, как чужеродное тело. Черные герои одиноки в жизни. Встреча в Сан-Франциско стала для него поцелуем Иуды. Быть может, утешал он себя, есть на земле место, где можно вот в эту минуту танцевать, прижимая к сердцу свободу, целовать в уста надежду, обнимать вновь обретенный мир... И, послав матери телеграмму, он вскочил в поезд, идущий в Коломбию.

Все кругом — солнце, птицы, зелень — было как никогда созвучно весне. На улицах городов мира появлялось больше беременных женщин, чем когда-либо. Красавец-май преобразил людей, он как бы стер с них серый налет повседневности. Вдовы, сироты, инвалиды, люди, выжившие в концентрационных лагерях, навеки разлученные любовники, девушки, забеременевшие от солдат, не дождавшихся победы, — все тянулись к солнцу, подставляя его лучам свои раны и рубцы, свидетельства победы жизни над смертью. Работа спорилась в руках рабочих и земледельцев, сверкая всеми цветами надежды. И лицо Аллена Дугласа также светилось этими красками. Во время вынужденного досуга он писал роман о том, что видел на войне. Отдавшись этому всей душой, он рассчитывал на быстрый успех, а это позволит ему поселиться вместе с матерью в Гарлеме, там его талант быстро расцветет. В радостях творчества скорее зарубцуется в сердце рана от Сан-Франциско. Читатели разделят с ним его неизжитую тоску и любовь к морю.

* * *

Сейчас он шагает рядом с Бесси по центральным улицам Коломбии. Они держатся за руки, как прежде, когда она, бывало, провожала его в школу. Они идут в мастерскую Джорджа Стивенса и К° получить приемник, отданный в починку неделю назад. Как глубоко, без слов, чувствует мать малейшее движение его души! Иногда по вечерам, когда ему не хотелось писать, он любил под звуки песен Дороти Майнор, Бесси Смит, Поля Робсона, Армстронга, Мариан Андерсон помечтать о черноглазой женщине, ждущей его где-то в Америке, наделенной всеми чарами тропиков. В его двадцатидвухлетней, почти целомудренной натуре пламенно соединялись любовь к красоте негритянского фольклора и здоровая чувственность. Близость с любимой — это как слияние звуков в оркестре. Он краснеет оттого, что эти мысли приходят ему в голову в присутствии матери. Эти странные мысли, безусловно, навеяны знойной погодой. А улицы переполнены сияющими белыми мужчинами и женщинами, которых весна наделила добротой, вежливостью, обходительностью. Можно подумать, что расизм давно уже похоронен рядом с другими хищными инстинктами, отравляющими отношения между людьми.

Черная мать и ее сын-поэт нежатся в волнах иллюзий. Они не обмениваются ни единым словом, потому что солнечный день чудесно выражает их самые сокровенные чувства. Время от времени, при какой-нибудь заминке уличного движения, их взгляды встречаются, как две капли росы на гладком листе банана.

* * *

— Позвольте мне посмотреть, как он работает теперь, — робко попросила Бесси приказчика Томпсона, уже начавшего упаковывать приемник.

— Я уже сказал, что мы его починили, — ответил Томпсон, не прерывая работы.

— Не думайте, что я не верю вам, но когда платишь 15 долларов, то поневоле...

— Пусть посмотрит свое барахло, — с раздражением вмешался Стивенс.

Дуглас включил аппарат. Появился свет. Он подождал немного, потом повернул рычаг. Тишина комнаты нарушилась беспорядочными звуками вперемежку с азбукой Морзе и обрывками голосов. Ничего не изменилось и после того, как приемник был заземлен и присоединен к антенне. 15 долларов гигантскими сверкающими цифрами вспыхнули в мозгу Бесси.

— Зачем же я истратила столько денег? — сказала она, волнуясь.

— За минуту до вашего прихода он хорошо работал, — заорал Стивенс. — Может быть, ему не нравятся ваши физиономии?

— Приемникам тоже иной раз противно обслуживать черных, — добавил тем же тоном старший приказчик Томпсон.

На мгновение Дугласу показалось, что перед ним вражеский солдат, тот самый, который в одно злосчастное утро на Соломоновых островах чуть не снес ему саблей голову. И ему захотелось расправиться с приказчиком так же, как он в то утро расправился с японским самураем.

Присутствие матери привело его в себя — он понял, что дело происходит не на фронте. Сжав зубы, он подавил порыв ярости. Он взял под мышку приемник и свободной рукой обнял плечи Бесси. Она не могла двинуться с места. Из ее глаз катились слезы.

— Не послать ли за носилками для вашего величества? — вмешался второй приказчик.

Но Бесси по-прежнему не замечала его, словно муху. Он зарычал:

— Я с тобой говорю, потаскуха...

Дуглас не дал ему договорить. Сокрушительным ударом кулака он сбил его с ног. Томпсон изловчился и сзади ударил головой в спину негритянку. Дуглас бросился на помощь матери, свалившейся под ноги приказчика, но тут он натолкнулся на рассвирепевшего Стивенса, выскочившего из-за стойки. Молниеносным приемом японской борьбы Дуглас швырнул его на витрину. Осколки стекла посыпались под ноги остолбеневших прохожих.

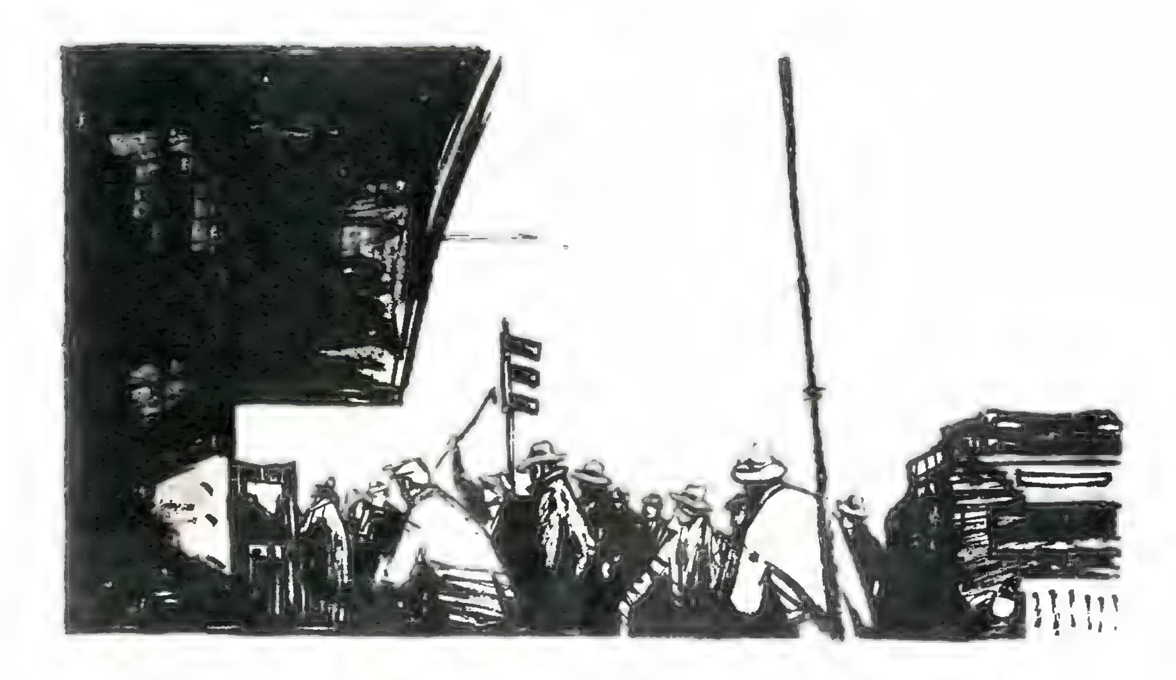
— Убейте этих грязных негров, убейте их! — завопили оба приказчика, выскочив на улицу.

В мгновение ока тротуар ощетинился людьми, сразу скинувшими свои весенние маски. Они уставились на Бесси и ее сына, загнанных в магазин. Ругательства и угрозы жалили негров, как пчелы. Слово «линч» подняло над толпой свою змеиную голову. В течение четырех лет оно не выползало из норы, и казалось, сейчас оно было ослеплено ярким солнцем. Или его отпугивало пение птиц в соседних кустах? Или, быть может, изумленный взгляд маленькой белой девочки на тротуаре потревожил остатки совести в ядовитой душе змеи? Толпа-кобра колеблется, ярится, растягивает свои зеленоватые кольца, шипит, озирается, но пока еще не решается броситься на свою черную жертву.

* * *

Над Коломбией стояла ночь. Где-то, на одной из красивых улиц для белых, ребенок размышлял о том, что ни в каком небе не может быть больше звезд, чем над его родным городом. Чем больше звезд, тем больше друзей у ребятишек! И ребенок отправился спать, унося в душе эту сокровенную мысль.

стианских уст. Нет таких слов и в церковных гимнах. Это диковинные слова, их употребляют белые, когда сводят счеты между собой.

Разве слова белых могут выразить правду чернокожих? При одной мысли об этом негр покрывается гусиной кожей. Или Дуглас попался в ловушку, расставленную белыми? Смилуйся, всевышний, ты, который счел справедливым послать на землю расизм. Смилуйся, добрый Иисус белых!

Слепой страх наполняет каждую капельку крови негра. Но Дуглас здесь, перед ними, он реальнее, чем собор, красноречивее, чем пять казней Христа. Дуглас пронизывает их взглядом, он вливает в их сердца земной свет своей убежденности.

— Ну что? — спрашивает Дуглас. Он смущен наступившей в комнате страшной тишиной, замешательством, вызванным его словами.

— Мы сделаем так, как ты желаешь, сын мой,— сказала Бесси.

— Как ты прикажешь, начальник,— поддержали ее бывшие солдаты.

И все трое двинулись вслед за Дугласом.

* * *

А в другом конце города, в Минк-Слайде, в то же самое время черный ребенок ложился в свою убогую постель, радуясь тем же сказочным богатствам звездного неба. Итак, в мире детей все обстояло благополучно.

Но что происходило в мире взрослых?

Бесси и Дуглас вошли в Минк-Слайд под вечер. Полицейские, прибывшие на этот раз вовремя, грубо толкая негра и его мать, помогли им пробраться сквозь скопище «змей», угрожавших их жизни. Мать и сына отвели в ближайший полицейский участок, где им предъявили обвинение в попытке убить беззащитных белых. До процесса их заключат в местную тюрьму. Но не прошло и трех часов, как встревоженный шериф позвонил судье Тэйлору и спросил, как ему быть с двумя арестованными: в Коломбии уже носятся слухи, что белые, измученные медлительностью правосудия, решили приступом взять полицейский участок. В этих условиях он не может отвечать за жизнь «черных убийц». Чтобы унять ярость белых, Тэйлор приказал немедленно доставить Бесси и Дугласа в суд.

После поверхностного опроса судья подтвердил заключение полиции и назначил залог по три тысячи долларов за каждого — тогда их можно будет до суда выпустить на свободу. Если же эта сумма не будет внесена тут же, он тоже отказывается отвечать за безопасность арестованных. Услышав это, какой-то состоятельный негр, которому за свою жизнь трижды пришлось быть свидетелем линчевания, согласился внести залог.

Так Бесси и ее сын получили свободу, а заодно предложение покинуть город. Они направились сперва в Минк-Слайд; там друзья, соседи и чужие люди толпой окружили их, советуя ночь провести дома, а на заре, с первым же утренним поездом, уехать; белые, безусловно, не настолько смелы, чтобы отважиться ночью пробираться по лабиринтам негритянских кварталов. На всякий случай надо будет на главных подходах к Минк-Слайду выставить дозорных.

Добрую часть ночи мать и сын провели, копаясь в своих пожитках и отбирая то, что еще стоило унести. Бесси так выбилась из сил, словно ее заставили в один день убрать квартиры всех белых Коломбии; устал и Дуглас, ему теперь казалось, что все четыре года войны он удирал от преследований японцев сквозь прибрежные заросли Тихого океана. Оба легли в одежде и быстро уснули; весенняя свежесть обвевала кровоточащие раны их сердец.

* * *

Через несколько часов Бесси проснулась словно от толчка. Ей послышался выстрел. Она растолкала сына:

— Дуглас! Дуглас! Где-то недалеко отсюда стреляли!

Он не успел ответить. Несколько выстрелов ворвались в тишину ночи.

— Стреляют из спрингфилдов,— уточнил Дуглас.

— Так я и знала, — как безумная, заметалась Бесси, — сейчас они нас убьют!

— Успокойся, мама, успокойся, — утешал ее Дуглас, хотя и сам уже предчувствовал недоброе.

В тот же миг раздался стук в дверь.

— Кто там?

— Герберт и Рандельф!

Это были свои ребята. Два бывших солдата. Дуглас впустил их.

— Что там происходит? — с тревогой спросила Бесси.

— Вот что, — начал Герберт, — Минк-Слайд окружен. Белые решили не выпускать вас из города. Еще с вечера они распространили слухи, будто мы, бывшие солдаты, вооружившись трофейным оружием, захваченным у немцев и японцев, будто мы организуем поход на Коломбию. Они всполошили весь штат. Власти околпачены. Мэр попросил у губернатора Мак-Нейли подкреплений. Говорят, что около полуночи из Нэшвилля прибыла рота гвардейцев штата в походном снаряжении. Вместе с местной полицией и сотнями вооруженных белых они с минуты на минуту собираются ворваться в Минк-Слайд. Надо во что бы то ни стало вырваться из этого кольца.

От тревоги на лицах двух бывших солдат проступили капельки пота, тусклые, как фальшивые жемчужины.

— Нам надо спасаться, сын мой! — крикнула Бесси.

— Этим не усмиришь белых,— прервал ее Дуглас.— Если они не найдут нас, они накинутся на первых встречных негров. Они ненавидят всю нашу расу. Перед нами враги, более яростные, чем японцы во время войны, потому что они заранее отвергают перемирие, а тем более мир между нами. Превратись мы даже в черные камни пустыни, они и тогда считали бы, что наше присутствие портит красоту американского пейзажа. Сегодня утром я понял это раз и навсегда. Они хотят, чтобы мы отказались от всех наших прав на жизнь. На нас они взваливают ответственность за свою тупость, за свои провалы, трудности, за постыдные болячки их собственного существования. Цвет нашей кожи — козел отпущения за все ничтожное и не поддающееся объяснению в их жизни. Сегодня ночью надо им показать, что за человеческую свободу умеют иной раз постоять и чернокожие. Будем биться насмерть.

От возбуждения капли пота засверкали на лбу Дугласа, они катились настоящими жемчужинами.

Бесси была потрясена. Оба солдата тоже. До сих пор изворотливость, покорность судьбе, фимиам молитв казались единственным якорем спасения для их расы. Слушая Дугласа, они задыхались, словно рыбы в аквариуме, куда вместо воды налили молоко. Они ведь только простые чернокожие люди Америки. Таких слов, какие произнес Дуглас, им никогда еще не приходилось слышать из хри-

* * *

У черных были охотничьи ружья и несколько пистолетов. Это только раздразнило аппетит хорошо вооруженных белых.

Они повели наступление по всем правилам войны. Стоило только посмотреть, что сталось с Минк-Слайдом к трем часам, чтобы вспомнить развалины какой-нибудь европейской деревни, над которой развевался знак свастики.

Женщины и дети на задымленных улицах, почти голые, с поднятыми руками под перекрестным огнем, вызывали в памяти картины, так хорошо знакомые солдатам. События этого дня, словно кошмар, путали представление о времени; тем более, что бутылки с виски непрерывно ходили по рукам среди белых. К тому же Минк-Слайд был внезапно и жестоко разбужен в самый разгар сна...

Власти держались в тылу, но шериф, мэр, судейские чиновники, губернаторы, генералы тоже не теряли времени. Они быстро столковались передать телеграфом по всей стране, что силами порядка и цивилизации вооруженное восстание негров в Минк-Слайде решительно подавлено.

Журналистам они доверительно сообщили, что действительно некоторое время тому назад до секретной службы дошли слухи о том, что черные занимались контрабандной перевозкой оружия во всех уголках штата Теннесси. Утренние газеты имели, таким образом, все основания заверить миллионы своих читателей, что от негров не приходится ожидать ничего хорошего.

* * *

Только с восходом солнца около сотни негров обоего пола сообразили, что их загнали в коломбийскую тюрьму. Потом они убедились, что Бесси Аллен и ее сына Дугласа нет среди них. Самые религиозные с плачем припали к стопам всевышнего милосердного бога белых; другие погрузились в пучину ненависти. Вдруг крики Бесси, как раскаленное железо, прорезали тишину тюрьмы.

Она только что вступила в большую комнату, освещенную и голую, как боксерский ринг. Вместо лица Дугласа она увидела огромный фиолетовый пузырь. Только инстинкт матери, более чуткий, чем радар, позволил ей различить глаза, нос, губы ее сына. Она опустилась на колени возле него. Он еще дышал. Чего же ждут от нее еще все эти пьяные люди?

— Посоветуй ему сказать правду,— пробубнил самый пьяный из полицейских.

— Какую правду? — простонала она.

— Не валяй дурака! Ты прекрасно знаешь, что твой сын, эта грязная скотина, сволочь-негр, организовал сегодня ночью поход на Коломбию. Он отказался сознаться в своих преступлениях, вот поэтому-то он и в таком... состоянии. Скажи ему на своем негритянском языке, что он себе заработает гроб, если будет разыгрывать героя. Скажи ему это, негритянская шлюха...

Бесси потеряла сознание. Очнувшись, она смутно поняла, что все еще лежит на каменных плитах полицейского ада и ее окружают призраки, от которых несет водкой. Ее сын утонул в этом море призраков. Но вот один голос выделился среди остальных:

— Значит, вы согласны? Раз от него больше ничего не добьешься, отдадим его матери.

Эти слова просочились в глубь ее оцепеневшего сознания.

— Значит, я могу увезти его? — пролепетала она невнятно.

— Да, вам дадут санитарную машину. Врачи спасут вам его,— произнес чей-то голос. Это был первый человеческий голос, который она услышала за многие часы.

* * *

Она влезла в санитарную машину и села у изголовья сына. Наверно, день светит только потому, что Бесси Аллен еще надеется спасти своего Дугласа. Машина уже ехала по цветущей аллее к госпиталю.

— Погодите минуточку,— сказал ей шофер,— я пойду, выясню.

Они спасут его, думала Бесси. У врачей нет расы. Они носят белые одеяния всевышнего. Для них все больные равны. Какое счастье, что среди белых еще есть такие люди! Она им будет благодарна даже после смерти. Спасибо им, этим созданиям неба!

Шофер тут же вернулся.

— Они отказываются принять. Говорят, что не зря же построили больницу для негров в Нэшвилле.

— Едем в Нэшвилль, скорее! — прошептала Бесси.

Нэшвилль на краю света, но машина быстро катит по полю. У шофера еще жива его старая мать, сам он отец двух маленьких детей.

— Скорее, еще скорее! — молит Бесси, не спуская глаз с Дугласа.

Колеса яростно пожирают километры.

Жизнь отступила куда-то далеко-далеко. Дуглас знает это лучше, чем кто-либо. В его теле жизнь теплится уже не больше, чем в звездах, которые угасли тысячелетия назад, а свет их еще виден на других планетах. Этот призрачный свет трепещет в его груди, озаряя в последний раз доброе лицо матери.

— Остановимся,— шепчет он.

Она подает шоферу знак остановиться. Машина тормозит у края дороги.

— Здесь слишком жарко,— жалуется Дуглас.

Шофер помог Бесси взять из машины носилки и поставить под дерево. Свежий воздух с неожиданной силой охватывает Дугласа. Он обязан в последний раз сказать матери, как надо жить.

— Знаешь, мама, этой ночью...

Горячие слова с трудом срываются с его языка.

— Сегодня ночью я забыл сказать тебе главное... Всех белых я упрятал в один мешок для отбросов... Знаешь, это было несправедливо, совсем несправедливо...

Прошло еще мгновение, слова доносились как бы издалека.

— ...Есть ведь и тысячи белых, униженных голодом, страхом, проституцией... Знаешь, это наши братья... Даже когда они сами этого еще не знают...

Бесси вытерла пот, который катился по изуродованному лицу, размывая спекшуюся кровь.

— Помолчи, мой мальчик. Мы едем в Нэшвилль.

Дуглас покачал головой. Нэшвилль — место для живых. Ему же осталось только высказать то, что еще тревожит его душу.

— Вот эти наши братья. Майк, белый парень, с которым я познакомился в начале войны, в... Но это неважно, где. Майк говорил, что когда люди несчастны, у них одна большая страна: надежда. Один цвет кожи: единство в борьбе; одна-единственная раса: победа братства на земле. Только это вечно, так говорил Майк. Помни об этом, мама...

Это были последние слова Дугласа.

Бесси почерпнула в них мужество и закрыла глаза сыну.

Бывает, звезды угасают и весной...

Перевод с французского
Д. МИЛЮТИНОЙ.

Театр в дни войны

В. ПИМЕНОВ

В 1918 году в ответ на постановление Советского правительства многие сотни театральных коллективов выехали на фронты гражданской войны, выступали с концертами и спектаклями в частях Красной Армии. Накопившийся большой опыт работы театральных трупп в походных условиях не остался забыт, был широко использован в годы Великой Отечественной войны.

В эти годы счет фронтовых театральных трупп пошел уже в тысячах. Свыше 42 тысяч артистов побывали на фронте, дали 1 350 тысяч концертов и спектаклей в действующей армии. Первой военной художественной бригадой была группа артистов Малого театра под руководством Н. Анненкова. Вторая художественная бригада Малого театра во главе с С. Алексеевым уже в первые месяцы войны выступала в частях конного корпуса генерала Доватора. Среди самых популярных были бригады МХАТа, в том числе руководимая народным артистом РСФСР Н. Дорохиным.

В самом начале войны возникло 25 специальных фронтовых театров. Фронтовой театр Малого театра прошел вместе с войсками Советской Армии боевой путь от Москвы до Берлина, а после окончания войны работал в Потсдаме в качестве театра Советской Армии. Фронтовой театр имени Евг. Вахтангова был сформирован из молодых артистов. Молодые вахтанговцы побывали в Австрии и Германии, Венгрии и Польше, начав свой боевой маршрут с Дона. Командующий фронтом генерал армии Ватутин специальным приказом отмечал: «...фронтовой театр имени Вахтангова за свою самоотверженную и высокохудожественную работу стал самым любимым коллективом среди бойцов, сержантов, офицеров и генералов фронта. Выполняя свою работу, коллектив много раз проявлял при этом мужество и самоотверженность».

С первых дней войны и до дня победы в действующей армии работал фронтовой коллектив «Искра», созданный из артистов Московского театра имени Ленинского комсомола. Широко были известны в воинских частях: «Веселый десант» — под руководством писателя В. Полякова, Комсомольский театр ВТО, театр миниатюр «Огонек», пользовавшиеся большой любовью фронтового зрителя.

Советское правительство высоко оценило самоотверженную работу многих артистов в годы войны. Свыше трех тысяч театральных работников были награждены боевыми орденами и медалями Советского Союза.

В годы войны коллектив Малого театра передал армии построенную на собранные артистами средства эскадрилью самолетов. Боевые самолеты советским летчикам от имени театра передавала Е. Д. Турчанинова. Уже в конце войны она получила письмо от пилота Борезата: «Здравствуйте, уважаемая Евдокия Дмитриевна! Посылаю вам горячий привет, желаю здоровья и успеха в вашей работе... от души благодарю за ценный подарок, преподнесенный на аэродроме. Это была первоклассная машина. На ней я много уничтожил живой силы и техники противника... Ваш материнский наказ и поручение, данное мне при вручении формуляра, я выполнил...»

И в числе славных защитников Родины, солдат и офицеров, оказалось немало работников театра. Артист Горьковского областного драматического театра В. Ямщиков ушел на фронт рядовым, через полгода стал лейтенантом, командиром минометного подразделения, затем капитаном. Ямщиков был награжден боевыми орденами. Мужество и отвагу проявила молодая разведчица, узбекская артистка, бывшая тогда студенткой Московского театрального института, Зиба Ганиева: она ходила в тыл врага, приносила ценные сведения, была тяжело ранена. Гвардеец Зиба Ганиева награждена орденом Боевого Красного Знамени. Среди славных имен гвардейцев, павших смертью храбрых на подступах к Москве, есть имя Героя Советского Союза И. Шепеткова, артиста цирка.

Поистине героическую страницу в историю советского театра вписали артисты Симферопольского театра. Группа его работников—Н. Барышев, А. Перегонец, А. Добкевич, З. Яковлева, Д. Добромыслов, костюмерша Е. Кучеренко, бутафор А. Карлов, костюмер И. Озеров, машинист П. Чечеткин, уборщица П. Ефимова — была связана с партизанским подпольным центром Крыма. Артисты-патриоты участвовали в боевых операциях, изготовляли нужные для партизан документы, добывали лекарства и одежду, доставляли их партизанам в лес. Возглавивший подпольную группу художник Барышев составил подробную схему дислокации фашистских войск в Симферополе и передал ее в распоряжение партизан. Фашисты обнаружили подпольную группу советских артистов-партизан и почти всех расстреляли. Ныне на кладбище в Симферополе над братской могилой, где захоронен прах погибших, высится скромный памятник.

В Московском и других полках народного ополчения, защищавших подступы к столице, были и артисты московских театров. Смертью храбрых в бою пали артисты-москвичи: летчик Ф. И. Москвин и артиллерист капитан К. Миронов. Отражая налет вражеской авиации и спасая театр имени Вахтангова от зажигательных бомб, погиб один из его тогдашних руководителей, ополченец В. Куза. В Воронеже артист Н. Озеров — командир ополчения — также погиб на боевом посту, защищая здание своего театра.

...Могучая сила заключена в истинно народном, революционном искусстве, где высокое мастерство неотделимо от высокого чувства гражданского долга.

Выступление в воинской части артистов МХАТа А. П. Зуевой и Н. И. Дорохина.

Из лирической тетради

К семидесятилетию С. Я. Маршака

С. МАРШАК

* * *

В полутьме я увидел: стояла
За окном, где кружила метель,
Словно только что с зимнего бала,
В горностаи одетая ель.

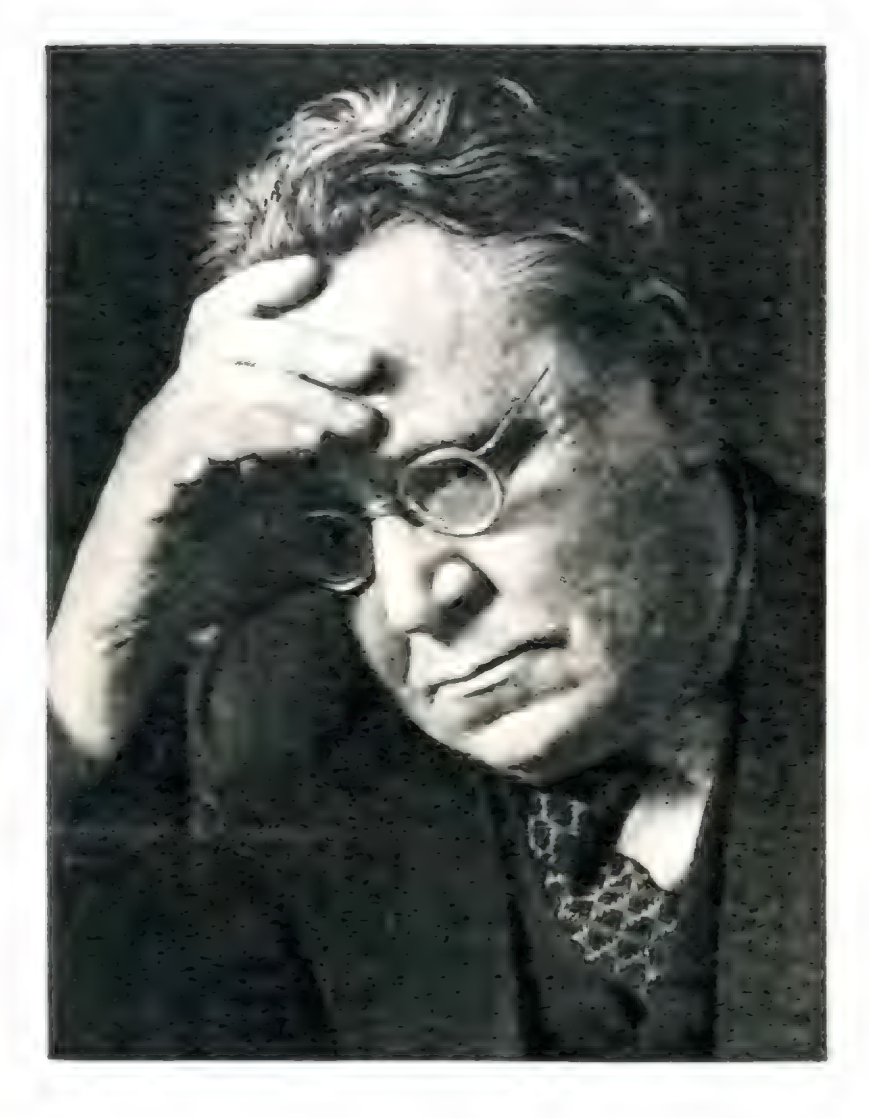
Чуть качала она головою
И, казалось, что знает сама,
Как ей платье идет меховое,
Как она высока и пряма.

* * *

Сегодня дождь прошел впервые,
Но ветер облака унес,
Оставив капли огневые
На голых веточках берез.

Еще весною не одета
В наряд из кружевной листвы,
Береза капельками света
Сверкает с ног до головы.

Путешествуя по любимым книгам...

Эту страну омывают бурные моря, над ней возвышаются горы, шумят леса, колосятся нивы. Зиму сменяет весна, весну — лето... В этой стране живут такие мужественные люди, как пожарный Кузьма, такие смелые и скромные, как неизвестный герой, потешные, вроде человека рассеянного, и такие неутомимые, как армия почтальонов, несущих по всей земле письмо Борису Житкову.

Есть в этой стране и люди, которых все хорошо знают, но недолюбливают и посмеиваются над ними. Это дама, которая сдавала в багаж огромное множество вещей, и мистер Твистер, который не пожелал жить рядом с негром. Но таких людей в этой стране мало.

А еще эта страна населена множеством милых и забавных зверюшек. Коты и мышата, воробьи и псы и другие милые твари живут в своих домах, теремах и норках.

Эту страну вы не найдете ни на одной карте. Зато она есть во всех библиотеках. И чтобы совершить путешествие в эту страну, не надо снаряжаться в дальнюю дорогу, достаточно прийти в библиотеку и сказать:

— Дайте мне Маршака!

Эту замечательную страну создал прекрасный советский писатель Самуил Яковлевич Маршак. И посвятил ее созданию всю свою жизнь.

Имя Маршака неразрывно связано со всей историей советской детской литературы. Он был одним из ее создателей, ее пионером и первопроходцем. В первые годы Советской власти решался вопрос, какой будет новая литература для детей: будет ли она комнатно-кукольной, или она выведет читателя из четырех стен в широкий мир, полный тревог, подвигов, труда?

Маршак предпочел второй путь. И вот появляется образ смелого, гуманного человека — пожарного Кузьмы, образ, который стал предметом преклонения целой армии мальчишек. И вот появляется сатира на барыню — «Багаж». Эти вещи своими четкими ритмами, сами, без заучивания становились достоянием памяти маленьких читателей. Они звучали задорно, озорно, в них дышала жизнь. А рядом с ними из-под пера Маршака выходят ласковые строки стихотворения «О глупом мышонке». Стихотворение помимо воли автора стало популярной колыбельной песней, которую матери пели своим детям, каждая на свой мотив:

Повернись на правый бок,
Дам тебе овса мешок...

«Почта», «Мистер Твистер», «Человек рассеянный»... Новые книги, новые стихи, новые ритмы. Сказочные, романтичные и необыкновенно простые и запоминающиеся, они хлынули в жизнь, становясь дразнилками, считалками, оставляя в языке нарицательные имена.

А поэт идет дальше, не отставая от широких шагов эпохи. В стихах зазвучала перекличка двух берегов Днепра, и «человек сказал Днепру: — Я стеной тебя запру...» Книжка «Война с Днепром» — это рассказ о стройке пятилетки. Но какой рассказ! Рассказ о большом для маленьких, полный романтики, звенящий ритмом, рожденным для детского восприятия. И стихи эти надолго сохранялись в памяти и провожали юного читателя до тех пор, пока он сам не становился строителем.

Когда путешествуешь по книгам С. Маршака, ловишь себя на том, что в них нет незнакомых тебе стихов. Более того, почти каждое стихотворение, сказка, загадка ассоциируется с каким-то периодом твоей жизни. Одни из них напоминают о детстве, другие о войне, третьи о недавних годах. И, вероятно, это происходит потому, что сам С. Маршак живет жизнью своей страны. Нет такого периода в жизни страны, когда бы замолкал голос поэта.

Война. Маршак делает сатиру своим оружием. Его злые, могучие четверостишия вместе с ракетами «катюш» попадают в цель.

Новая, большая, увесистая пачка книг послевоенных лежит перед нами, и все они, как старые знакомые, шепчут тебе свои строки...

А Маршак — драматург, переводчик, литературовед, редактор! А Маршак — наш старший товарищ, любимый, первый, нужный каждому поэту!

Нет такого дома, в котором не было бы книжки Маршака. И если на карте, в тех местах, где читают Маршака, воткнуть маленькие флажки с буквой «М», то вся страна покроется этими флажками. Флажки перейдут границы и замелькают на огромной карте мира, во всех его уголках.

Самуилу Яковлевичу Маршаку исполняется семьдесят лет. У многих поколений советских детей книги Маршака воспитывают замечательные черты характера, учат быть честными, смелыми, благородными и гуманными.

Юрий ЯКОВЛЕВ

ПИСЬМО ИЗ КИТАЯ

Здравствуйте, дорогой Самуил Яковлевич!

Поздравляю Вас с сорокалетием Великого Октября! Поздравляю Вас и с днем Вашего рождения! Желаю Вам от всей души крепкого здоровья и новых творческих успехов.

Самуил Яковлевич! Вас знают и любят не только советские дети, но и наши; не только дети, но и взрослые. Ваши книги заставляют нас смеяться, помогают нам любить жизнь, помогают нам жить и творить. Ваша пьеса «Горя бояться — счастья не видать» произвела на меня глубокое впечатление. Эта пьеса, как пословица, говорит о правде жизни. Она учит нас, как надо жить.

Я люблю также и Ваши стихи, люблю сказки разных народов, переведенные Вами. Я особенно люблю Вашу речь. Она простая, всегда короткая, но понятная.

Иногда я спрашиваю себя: почему я так люблю русский язык? Это потому, что он сам по себе очень музыкальный. Но не только поэтому, но и потому, что русские литературные произведения, в том числе и Ваши, очень понравились мне.

Самуил Яковлевич! Сердечно приветствую Вас в день Вашего рождения! Желаю Вам долгой жизни. Желаю Вам больших успехов в творчестве на благо трудящихся всего мира.

Уважающий Вас, Ваш читатель

Лю Чан-ен

КНР, Тяньцзинь.

Большой театр СССР. Репетиция финала оперы Т. Н. Хренникова «Мать». За дирижерским пультом — народный артист РСФСР Б. Э. Хайкин.

В трех городах

В один из дней октября наши корреспонденты в разных городах страны знакомились с тем, что происходит в мире советского искусства. Всюду художники, артисты, певцы, танцоры, мастера и любители готовятся встретить великую дату — сорокалетие Октября. Мы решили рассказать в нашем репортаже о трех событиях в жизни искусства, о подготовке к празднику трех прославленных коллективов в трех городах.

Москва, Большой театр

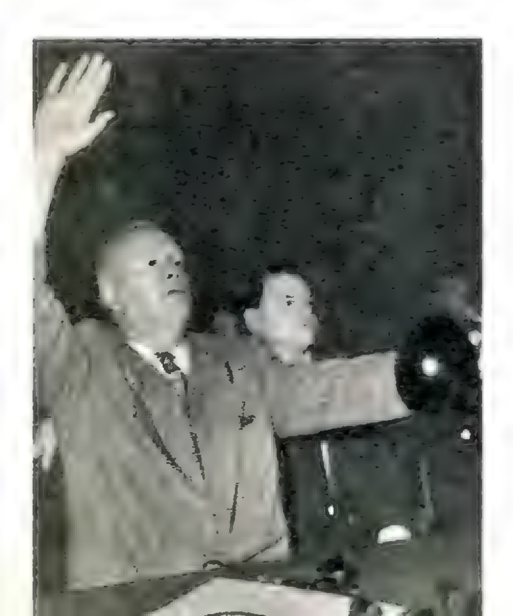
Фото И. Тункеля.

Зная, что репетиция оперы Хренникова «Мать» начнется в 11 часов, мы пришли пораньше. Тем не менее занавес был уже открыт. На сцене алые языки пламени светильника озаряли водруженные здесь большие стальные знамена... Казалось, слышен был шелест их колышущихся могучих складок.

Необычность зрелища вскоре усилил голос, зазвучавший на сцене. Он доносился откуда-то с колосников, заполняя всю площадку. Не успевали отзвучать последние слова фразы, как на наших глазах тотчас исполнялось только что отданное распоряжение. Вернее, это было даже не распоряжение. Из-за мягкости интонаций оно воспринималось скорее как совет. Охотно, мгновенно и точно выполняли его находящиеся на сцене актеры: совет был, видимо, очень нужный и очень верный.

Голос, усиленный микрофоном, показался знакомым. Когда темнота зрительного зала стала уже привычной, мы увидели у столика высокого седого человека, который что-то тихо пояснял, держа в руке маленький микрофон. Это был Николай Павлович Охлопков, народный артист СССР, известный режиссер, любимый советский киноартист. Он ставит в Большом театре новую оперу Тихона Хренникова «Мать» (либретто А. Файко) по повести М. Горького. Да, актеру, создавшему в двух фильмах о Ленине обаятельный, правдивый и человечный образ рабочего Василия, близко связанного с Владимиром Ильичем, найдется, что подсказать артистам, которым предстоит воплотить на сцене сормовских рабочих-революционеров.

Народный артист СССР Н. П. Охлопков и народный артист РСФСР композитор Т. Н. Хренников в Большом театре на репетиции оперы «Мать».

Пока певцами на сцене занялся дирижер спектакля Б. Э. Хайкин, Охлопков рассказывает нам о будущем спектакле:

— Опера Хренникова «Мать» наполнена высоким героизмом. Художественное ее своеобразие в том, что, оставаясь героической по жанру, она будто пронизана вся большой человеческой теплотой, задушевностью, с какими композитор раскрывает духовный мир народа, его вожаков. Никакой ложной романтики, никакой искусственности или оперных штампов в раскрытии внутреннего мира персонажей. Но не надо и приземленности — бытовщины.

Нужен подлинный пафос революционной романтики! Музыка Хренникова несет в себе большие мысли, богатейшие ассоциации. Она раскрывает глубокий и сложный мир человеческих переживаний, устремлений и действий, передает патетические и трагические моменты событий, — все это на сцене должно быть глубоко трогающим сердце, человечным. Спектакль задуман как своеобразный памятник борцам первой революции. Отсюда и его внешнее образное решение...

Герои оперы «Мать» живут и действуют в гуще народа, сами олицетворяют народ. Поэтому важно было найти такие сценические условия, такую сценическую технику, которые позволили бы наиболее впечатляюще показать народную массу на сцене.

Николай Павлович снова берет микрофон. Репетируется финал оперы. Ниловна — В. Борисенко разбрасывает листовки, народ подхватывает их, читает, слушает ее речь. Здесь, в толпе, не только рабочие, но и студенты, чиновники, купцы. Здесь и те, кто осудил Павла и его друзей. Все они должны по-разному реагировать на слова матери, и все они должны петь, да так, чтобы слышал зритель. Отсюда сложность размещения хора на подмостках.

Режиссер идет на сцену. И вот уже вместо единой театральной толпы, одетой в различные костюмы, мы видим разные группы людей, по-своему воспринимающих происходящее, и понимаем, какое место каждый из них занимает в событиях.

Пока режиссер работает с хором, на мостике, переброшенном через яму оркестра, исполнитель роли Павла артист Ю. Дементьев беседует с Т. Н. Хренниковым. Композитор присутствует на каждой репетиции.

Семь лет прошло с тех пор, как Хренников задумал написать эту оперу; около года тому назад он ее закончил. Были прослушивания, обсуждения, сказано было много хороших слов... Но главное — первая встреча со слушателем — еще впереди. Она состоится в дни празднования 40-летия Октября. Три оперных театра — в Москве, Ленинграде и Горьком — покажут зрителям оперу «Мать». Остались считанные дни, и теперь композитора можно увидеть в театре в любое время.

Труднее было нам встретиться с художником спектакля Вадимом Федоровичем Рындиным. Только что он промелькнул на сцене, и вот уже на колосниках, а затем в зале, где пишут декорации, потом в мастерских, в цехах... Осветители, бутафоры, костюмеры, рабочие сцены, художники, актеры — все ждут его, спрашивают, советуются.

Оформление спектакля необычное. Впервые на сцене Большого театра сделан вращающийся круг, и это совершенно меняет не только привычный вид подмостков, но и всю технику подготовки к спектаклю. Круг потребовался режиссеру и художнику не столько для быстрой смены картин, сколько для передачи стремительного движения народных масс в сценах: «Фабричный двор», «Первомайская демонстрация», «Вокзал»...

На круге и на площадках возле него расположились в качестве кулис подвижные ширмы — огромной величины стальные знамена. Занавеса в спектакле нет. Зритель, войдя в зал, сразу предстанет перед «памятником героям революции».

Не с первых дней работы над спектаклем пришло это решение. Охлопков и Рындин долго искали его внешний образ. Но многолетнее испытанное содружество обоих художников всегда давало хорошие плоды. Московские зрители знают и «Молодую гвардию», и «Гамлета», и многие другие спектакли, созданные совместно Охлопковым и Рындиным. Скоро они увидят еще один...

И. ВЕРШИНИНА

В Большом зале Ленинградской государственной филармонии закончился концерт из произведений Д. Д. Шостаковича. Справа налево: народный артист СССР Д. Д. Шостакович и народный артист СССР Е. А. Мравинский.

Фото М. Мицкевича.

Ленинград, филармония

Большой зал Ленинградской филармонии. 11 часов утра. На эстраду выходят музыканты прославленного оркестра. За дирижерский пульт встает Евгений Мравинский. Начинается репетиция новой, Одиннадцатой симфонии Дмитрия Шостаковича.

В зрительном зале с партитурой в руках сидит автор, вслушиваясь в оркестровое звучание симфонии, посвященной незабываемым событиям 1905 года. Возникают образы первой части: «Дворцовая площадь»...

С большим увлечением дирижер и оркестр работают над новым сочинением композитора: исполнение симфонии приурочено к 40-й годовщине Великого Октября.

Как часто в этом же зале, в те же часы содружество композитора, дирижера и оркестра рождало к жизни новые и новые сочинения выдающегося советского композитора! Многолетняя творческая дружба связывает Дм. Шостаковича с дорогим для него оркестром Ленинградской филармонии. Именно здесь, в Большом зале филармонии, состоялись премьеры многих его симфонических произведений.

Старые музыканты оркестра помнят день 12 мая 1926 года. Двадцатилетний композитор дебютировал тогда своей первой симфонией, вскоре обошедшей с триумфом концертные эстрады мира и принесшей ее автору широкую известность.

Или 21 октября 1937 года — премьера Пятой симфонии. За дирижерским пультом был Евгений Мравинский.

«С необыкновенной тщательностью и любовью, — говорил об этом дне композитор, — дирижер изучил партитуру, глубоко проникся всеми деталями замысла. Первое исполнение музыкального произведения почти всегда, или очень часто, бывает решающим для его судьбы. Я считаю, что в том благоприятном приеме, который встретила Пятая симфония, очень большая заслуга Евгения Мравинского, ее первого интерпретатора».

Так зародилась творческая дружба двух замечательных музыкантов.

С залом Ленинградской филармонии связаны многие волнующие страницы творческой биографии композитора.

...9 августа 1942 года. В осажденном Ленинграде, скованном кольцом блокады, под артиллерийские залпы вражеских орудий в белоколонном зале звучит Седьмая (Ленинградская) симфония Дмитрия Шостаковича — симфония всепобеждающего мужества, как назвал ее Емельян Ярославский.

Мужало и крепло дарование и мастерство композитора, пламенного патриота своей Родины, горячо откликавшегося на все события, волновавшие его современников — строителей нового, коммунистического общества. Вслед за Седьмой возникли Восьмая, затем Девятая, наконец, Десятая симфонии.

И вот к всенародному празднику 40-летия Великого Октября появилась новая, Одиннадцатая симфония. Давно вынашивал Дмитрий Шостакович идею этого сочинения. Еще в 1951 году в 10 хоровых поэмах, написанных им на стихи старых революционных поэтов, этот замысел нашел свое первое творческое воплощение. А теперь страстным, взволнованным языком драматурга-симфониста композитор поведал о полных дрематизма эпизодах первой русской революции.

Одиннадцатая симфония — программное сочинение. Названия четырех частей идущей без перерыва симфонии раскрывают ее содержание: «Дворцовая площадь», «9-ое января», «Вечная память», «Набат». В симфонии использованы интонации революционных песен той поры («Вы жертвою пали...», «Варшавянка» и других).

Ленинградцы с большим интересом ждут первого исполнения нового произведения Дмитрия Шостаковича. Оно состоится в дни сорокалетия Октября под управлением Евгения Мравинского в Большом зале Ленинградской филармонии.

С. МАРИНИН

Киев, театр имени И. Франко

«Никогда не забывайте гнездо свое, откуда вылетели, тогда никакие бури и грозы, ничто не собьет вас с пути. В этом сила наша, сила нашего народа» — в этих словах пожилой работницы-коммунистки Катерины Бессмертной, обращенных к советской молодежи, выражена основная мысль новой пьесы А. Е. Корнейчука «Почему улыбались звезды». В юбилейные дни ее показывает Государственный украинский драматический театр имени Ивана Франко.

— Новая пьеса А. Е. Корнейчука, — рассказывает постановщик спектакля, главный режиссер театра народный артист СССР М. М. Крушельницкий, — говорит о борьбе с пережитками прошлого в сознании некоторой части советских людей. Борьба за высокие морально-этические идеалы — тема пьесы. Автор вводит зрителя в круг советских людей, каких много, главным образом из интеллигенции. Мы знакомимся с видным ученым-физиком Погодой, с архитектором Барабашем, с профессором консерватории Хмарой, с работницей шелкового комбината Бессмертной, с врачом Однолюбом, их семьями, детьми. В пьесе действует большая группа молодежи, с различными взглядами на мир, на действительность, на цель жизни.

Драматург откликается на многие важные вопросы, возникшие после XX съезда партии, и эти вопросы ставит остро. Затрагивается здесь, в частности, проблема искусства, его связи с жизнью народа. Как и во всякой большой комедии, в пьесе много подлинной, острой сатиры, но пафос пьесы состоит в утверждении положительного начала. Поэтому пьеса насыщена лирикой, романтикой; уже само ее название говорит об этом.

— Вместе с народным художником УССР Ф. Ф. Ниродом, — сказал в заключение М. М. Крушельницкий, — мы стремимся к тому, чтобы, так сказать, приблизить героев пьесы к зрителю, показав «крупным планом» их мысли, чувства, переживания. Нам хотелось, чтобы это был спектакль яркий, красочный, поэтичный, утверждающий красоту нашей советской жизни.

В спектакле заняты ведущие актеры театра — народные артисты СССР Н. Ужвий, М. Крушельницкий, народные артисты УССР Е. Петрова, Г. Бабенко, В. Дальский и другие. Зрители впервые увидят на сцене театра имени Ивана Франко недавно вошедшего в труппу заслуженного артиста УССР Я. Геляса, а также молодых дебютанток — Аллу Ролик и Зинаиду Юрченко.

Л. ВЛАДИЧ

В Государственном украинском драматическом театре имени Ивана Франко. На репетиции пьесы А. Корнейчука «Почему улыбались звезды». Готовится сцена на даче архитектора Барабаша. Слева направо: Тимофей — заслуженный артист УССР Я. Геляс, постановщик — народный артист СССР М. Крушельницкий, Зинаида — народная артистка УССР Е. Петрова, Клеопатра — артистка К. Литвиненко, Погода — народный артист УССР П. Сергиенко, Барабаш — народный артист УССР Д. Милютенко.

Фото Н. Козловского.

А Я ЕГО ТЕТЯ

Владимир **ПОЛЯКОВ**

Рисунки Е. ЩЕГЛОВА.

Под сверкающей голубыми огоньками люстрой стоял празднично накрытый стол. Здесь было три сорта тортов — с кремом, с шоколадом и с фруктами, восемь сортов варенья в вазочках, всевозможное печенье, конфеты, вафли. Бутылки с шампанским стояли, как часовые, в серебряных, блестящих касках. Тетя Вера отмечала свой день рождения.

Тетя Вера была историком, работала в научном институте и считалась большой специалисткой по древнему Риму. Поэтому среди ее гостей были два профессора, один член-корреспондент, два доцента и одна аспирантка. Они все расположились за столом, окружив тетю, а на отшибе, у края стола, сидели малонаучные родственники: сестра тети Веры Елена Георгиевна и ее шестнадцатилетний сын Степа.

Гости бряцали латинскими фразами, склоняли имена императоров и сыпали историческими датами.

Сестра и племянник явно скучали. Они были далеки от Рима, их не интересовала семейная жизнь императора Гелиогабала. Елена Георгиевна прикрыла глаза, а Степа поставил себе на нос чайную ложку и пытался ее удержать. Ложка упала на чашку — чашка разбилась, жалобно звякнув.

— Что ты сделал! — закричала тетя Вера. — Ты разбил Кузнецова!

— Никакого Кузнецова я не трогал, — сказал Степа. — Я кокнул чашку.

— «Кокнул»! Что за лексика?! — возмутилась тетя. — Кузнецов — это знаменитый владелец фарфорового завода. Он ничего не понимает, этот ребенок. Мальчику шестнадцать лет, а он до сих пор не знает, из какой посуды пьют люди. Что из него будет дальше? Кем он вырастет?!.

— А я знаю, кем,— сказал Степа. — Я буду клоуном.

Тетя с испугом посмотрела на члена-корреспондента.

— Ты, конечно, пошутил, Степа? — сказала тетя, сделав внушительное ударение на слове «пошутил». — Я не могу этого воспринять всерьез! В нашей семье никогда не было этих... клоунов.

— Лена, — шепнула она сестре, — пусть он помолчит.

— А чем плохо быть клоуном? — спросил Степа.

— Я умоляю!..— сказала тетя.— Давайте поговорим о чем-нибудь другом. Геннадий Герасимович, попробуйте торт. На днях у нас в институте была конференция по вопросу римского права и...

Но Степа не унимался.

— В Риме, между прочим, тоже был цирк, — сказал он.

— Но не дай бог тебе бы там работать, — заметил доцент Бумбурян.

Все замолчали. Тетя начала сморкаться, Степа подошел к стулу, на котором она сидела, потолкался за спинкой и, улыбаясь, отошел в сторону. Раздался выстрел. Тетя вскочила со стула. Разлетаясь яркими искрами, горел бенгальский огонь. Тетя, с коралловым ожерельем на шее, в длинных бирюзовых серьгах, с золотым браслетом и кольцами на руках, от искр была похожа на новогоднюю елку.

Член-корреспондент засмеялся. Тетя выдернула из-за спины догоравшую свечу и сердито сказала:

— Здесь не цирк, я не хочу взорваться в своей квартире!

Опять говорили о римской истории, вспоминали Нерона и Мессалину, доцент Бумбурян играл на рояле фугу Баха, но в комнате пахло гарью. Вечер был испорчен.

Елена Георгиевна поняла, что надо уйти, и, поцеловав сестру, взяла Степу под руку.

Всю дорогу, идя по лужам, мать увещевала сына:

— Подумай, что ты собираешься делать! Что это за профессия! Будешь прыгать с подкрашенным носом и падать на грязные опилки. Красиво, да? Большая радость родителям, да? Об этом мечтал твой отец, когда вез тебя из родильного дома, да? Осталось несколько месяцев до окончания школы... Одумайся... есть столько интересных профессий...

— А я буду клоуном, — сказал Степа. — Вполне уважаемая профессия.

На улице было темно. Фонари отражались в лужах, дрожа, как солнечные зайчики. Ветер гнал прохожих, срывая шляпы.

Мать что-то говорила, а сын ничего не слышал. Он думал о цирке, и в его воображении возникал ярко освещенный манеж, гремели трубы оркестра, крутились акробаты в разноцветных трико, кувыркались веселые клоуны. И среди них был он сам — Степа Неклюев.

Шли годы. Степа окончил училище и уехал на практику в Актюбинск, где выступал с молодежным коллективом в летнем цирке «Шапито». Елена Георгиевна свыклась с мыслью, что ее сын — клоун, и с нетерпением ждала его писем, в которых он сообщал, что его реприза со стулом имела успех, что он купил за триста рублей собаку, которая воет, когда на пианино играют «Сердце красавицы», и что Нина Сержантова подвернула ногу, делая флик-фляк.

Мама читала короткие письма, радовалась хорошему настроению сына и вздыхала. Нет, не думала она, что Степа пойдет по этой линии!

А тетя Вера, шокированная профессией племянника, редко посещала квартиру сестры, лишь изредка звонила ей по телефону.

И вдруг в начале сентября приехал Степа.

— Мамочка, — сказал он, — в субботу начинаются мои выступления в Московском цирке. В афише меня нет, это мой дебют. Или я буду иметь успех и меня оставят в программе, или я опять уеду на периферию. Мне бы хотелось, чтобы и ты и тетя Вера были на представлении.

Елена Георгиевна сняла трубку, позвонила сестре:

— Верочка... Это говорит Лена. Хватит тебе дуться. Мы опять полгода не виделись. Приехал Степушка. Он выступает в цирке и умоляет, чтобы мы с тобой пошли его посмотреть.

— Хорошо, — сказала тетя. — Я пойду на это. Но только для того, чтобы посочувствовать твоему горю. Я знаю, что тебе будет тяжело, и нужно, чтобы возле тебя сидел кто-то из близких тебе людей. Последний раз в цирке я была в девятьсот тринадцатом году. Где он находится?

— Я за тобой заеду, — сказала Елена Георгиевна.

Сестры пришли в цирк за полчаса до начала. Тетю Веру сопровождал доцент Бумбурян.

— Почему-то в консерватории совсем иначе пахнет, — сказала тетя.

— Это от конюшни, — пояснил доцент.

Они уселись в седьмом ряду.

— Степа сказал, что он выступает во втором отделении, — сообщила Елена Георгиевна. — Я очень волнуюсь.

— Надо было волноваться раньше, — ехидно ответила тетя

Зажглись огни. Прожекторы осветили арену желтым светом. Заиграл оркестр, и униформисты в синих костюмах выстроились у входа. Наступила минута какой-то радостной и напряженной торжественности. Высоко под куполом блестели в лучах прожекторов сплетения проводов, тросов, сеток, канатов. А внизу на ковре манежа появилась акробатка в розовом трико с блестками. Эти бесчисленные блестки так сверкали, что казалось, будто от них протягиваются к зрителям маленькие, тоненькие лучики. Откуда-то сверху неожиданно спустился канат, акробатка ухватилась за него и поехала быстро вверх. И вот она уже сидит, улыбаясь, на серебряной перекладине под самым куполом.

— Что она делает?! Сумасшедшая! — воскликнула тетя.

Акробатка перегнулась, уцепилась носком одной туфельки за перекладину и повисла вниз головой.

Цирк загремел аплодисментами.

— Она же может разбиться, — сказала тетя.

— Не может. Это результат ежедневной тренировки. Все рассчитано до единой доли секунды, — пояснил Бумбурян. — Эта девушка получила золотую медаль на фестивале.

— Вот молодец! — сказала тетя. — Но я не могу на нее смотреть, у меня кружится голова.

Акробатку сменила группа гладиаторов «Пластические этюды 4 Вавиловы 4». Горели в лучах

прожекторов медные латы, щиты и каски. Ладно скроенные юноши взбирались друг на друга и замирали, как статуи.

— Красиво! — сказала тетя. — Похоже на скульптуру этрусского периода, представляющего собой смесь греческих элементов в своеобразном соединении с восточными мотивами. А этот высокий юноша напоминает мне скульптуру Агасия «Боргезский боец», хранящуюся в Париже. Ты посмотри, что он делает! Он держит всех четверых на себе! Какая сила!.. Обрати внимание, какие у него мускулы! Это великолепно!..

На арену вышел какой-то клоун и упал. Стал искать причину падения, нашел малюсенький волосок, который он тут же поддал ногой, как мяч, и в оркестре прогремел удар барабана.

— Глупо, — сказала тетя. — Посмотри на его дурацкий костюм.

На клоуне были узкие зеленые брючки, широкий желтый пиджак, огромные оранжевые ботинки и крохотная, как игрушка, фетровая шляпа, из-под которой торчали огненно-рыжие волосы. На кончике большого красного носа горела электрическая лампочка.

— Вот и твой сын выйдет в чем-нибудь таком, — шепнула тетя.

Клоун вскочил на барьер и убежал. Оркестр заиграл вальс, на арену выбежали лошади. Темногнедые, стройные, на тонких ногах, они бежали в такт музыке, грациозно выгибая шеи.

— Эти лошади как будто сошли с полотна Жерико «Скачки в Эпсоме», — сказала тетя.

— А мне они напоминают рисунки Герарда Доу, — сказал Бумбурян.

— Скорее уж Дегá, — возразила тетя. — А еще вернее, Тулуз-Лотрека.

— Тише! — сказали рядом. — Вы мешаете. Перестаньте вертеться.

— Извините, — сказала тетя.

Дрессировщик бросил хлыст, и лошади убежали, а на арене опять появился клоун. У него на носу сидела бабочка. Он снял ее с носа и сказал тоненьким, визгливым голосом:

— Эта бабочка, наверно, приняла мой нос за аэродром.

Кто-то в публике засмеялся.

— Между прочим, напрасно смеетесь, — заявил клоун. — Это не мой нос. Он наклеенный. А есть женщины, у которых все не свое: косы накладные, ресницы наклеенные, губы намазанные, щеки нарумяненные, свой у них только нос, и то они часто суют его не в свое дело.

Зрители зааплодировали.

— Довольно метко сказано, — заметила тетя. — Выглядит глупо, а говорит умно.

Клоун достал из кармана морковку, кинул ее высоко вверх. Когда она падала вниз, он поддал ее носком своего громадного ботинка, и морковка очутилась у него в зубах.

— Этого мне мало, — сказал клоун. — Я хочу кушать салат. Куку!

Достав из других карманов картофелину, свеклу, огурец, яблоко и луковицу, он начал ими жонглировать. Засмотревшись на какую-то девушку в первом ряду, споткнулся и упал, сделав сальто. Но все составные части салата оказались у него в кармане.

— Непонятно! — сказала тетя. — Как можно это поймать?! Это невероятно!

Клоун убежал.

— Куда вы? Вернитесь! — закричал инспектор манежа.

— Сейчас! — раздался голос клоуна.

— Идите же! Публика ждет.

— Не могу, стесняюсь...

Двое униформистов вытащили клоуна на арену. Он был в женской юбке и очень смущался.

— Это уже идиотизм, — сказала тетя. — Глупо и пошло.

— Почему вы в юбке? — спросил инспектор.

— Я жертва моды, — заплакал клоун, и из глаз у него полилась фонтаном вода.

— Немедленно пойдите домой и наденьте брюки, — строго сказал инспектор.

— Не могу. Нет у меня брюк. Жена в них ходит.

— Кто? Кто в них ходит? — переспросила тетя, рыдая от смеха.

— Жена, — повторил хохочущий Бумбурян.

Цирк сотрясался от аплодисментов. Полторы тысячи зрителей звонко смеялись. Тетя вытирала платком слезы.

— Как он сказал? «В них ходит жена»! «Ку-ку», да? Бесподобно!

А клоун махнул рукой, и к нему откуда-то полетели десятки разноцветных воздушных шариков. Он дотрагивался до них рукой, и они звучали, как скрипка. И вдруг он заиграл на них «Лунный вальс» Дунаевского. Погасли огни. Высоко в воздухе зажглась золотая луна, и клоун на шариках стал подниматься выше и выше. Он сел на луну, и над ней засверкали голубые звезды. Он собрал пять звезд и начал ими жонглировать. А они звенели, как колокольчики. И тогда клоун снял шляпу, достал из нее моток проволоки, закинул один ее конец еще выше. И тут совершилось невероятное: клоун, находясь в горизонтальном положении по отношению к арене, пошел вверх по проволоке.

— Чудо! Просто чудо! — сказала тетя, обращаясь к сидящему перед ней усатому военному, который улыбался детской улыбкой. — Это изумительно!!

Аплодисменты обрушились, как водопад.

— Браво! Бра-во-о!! — кричали зрители.

А клоун уже раскачивался на луне и бросал оттуда вниз цветы, которые падали с выстрелами на манеж, вонзаясь в него своими стебельками и превращаясь в огромные яркие букеты.

Тетя Вера аплодировала, не жалея рук. Аплодировали все, кроме Елены Георгиевны. Она волновалась, ожидая второго отделения, в котором должен был выступать ее сын.

На трапециях раскачивались и летали голубые акробаты, но тетя еще продолжала смеяться.

— Как он сказал? «Ку-ку», да? Бесподобно!..

Инспектор манежа объявил антракт, и Бумбурян сказал, что надо выйти на воздух, потому что в помещении очень душно.

Все согласились. И когда вышли в фойе, их встретил Степа. Он был очень расстроен.

— К сожалению, я сегодня не выступаю. Директор цирка сказал, что сперва надо меня просмотреть без публики.

Мама очень расстроилась, а тетя сказала:

— Директор прав. Программа составлена отлично, и было бы досадно, если бы она была испорчена.

Во втором отделении выступала укротительница тигров. Большие полосатые кошки рычали, замахивались лапами, прыгали через огненные кольца, а одна из них даже тащила кусочек мяса изо рта укротительницы.

— Смелая женщина! — воскликнула тетя. — Совершенно напрасно нас называют слабым полом.

А Елена Георгиевна сказала:

— Мне неинтересно смотреть. Я пришла увидеть Степу.

— Ничего, мамочка, все еще впереди! — успокаивал ее сын.

...До остановки автобуса их влекла за собой шумная, возбужденная толпа зрителей.

— Ну, как, тетя Вера? Вам не понравилось?

— За кого ты меня принимаешь? — обиделась тетя. — Как это может не понравиться? Сила, ловкость, точность, смелость, красота тела... Но лучше всего — этот клоун. «Ку-ку». Какой он остроумный и ловкий! Эта история с луной и шариками — это просто сказка!.. А как он пошел по проволоке?! А как он ловил салат?! Ты бы так поймал?

— Думаю, что поймал бы, — робко ответил Степа.

— Нахал! Всегда был нахалом, — возмутилась тетя. — Он весь в нашего дядю Борю...

В этот момент группа школьников окружила Степу.

— Он?

— Ничего похожего, — сказал кудлатый паренек в кепке.

— А я тебе говорю, что он.

— Извините, пожалуйста, — обратился долговязый юноша к Степе. — Это вы выступали сейчас в цирке с шариками?

— Я, — застенчиво сказал Степа. Мама и тетя остановились.

— Ребята! Я выиграл пари! Это он! — закричал долговязый.

— Вот это давал!

— Браво!

Степа, мама, тетя и доцент оказались в кольце.

— Я сразу понял, что это Степа, — сказал Бумбурян. — Очень знакомое лицо. Меня смущали только нос и волосы, и это породило конфликт в моей душе. Но я чувствовал...

— Молодец! Лихо! На весь месяц зарядку веселья дал! — сказал полковник авиации.

— Так это был ты? Я не верю. Этого не может быть. Неужели правда? — сказала Елена Георгиевна.

— Правда, мама. Смотри. Товарищи, нет ли у кого-нибудь пачки папирос и спичек?

— Прошу, — расплылся в улыбке молодой человек. — Одалживайтесь. — И он протянул пачку «Беломора» и коробок.

Степа достал из кармана носовой платок, ключ от квартиры, яблоко, присоединил к ним папиросы и спичечный коробок, подкинул все это в воздухе, сказал тоненьким голоском «Ку-ку» и начал жонглировать.

— Он! Тот самый! — закричал кто-то.

— Насколько я понимаю, вы будете его мамаша? — спросил пожилой гражданин в очках у Елены Георгиевны.

— Да. Я его мать... А что?

— Тогда поздравляю вас. Хороший у вас сынок. Весь в вас.

— То есть? — насторожилась Елена Георгиевна.

— Талант.

— А-а... — успокоилась она.

Все улыбались. Особенно Елена Георгиевна. А чуть в стороне стояла тетя Вера. Маленькая, седая, в сером пальто из облегченного драпа и в кофейной шляпке, отделанной гроздьями винограда. Она стояла, смотрела на смеющихся людей и вдруг почему-то сделала шаг вперед и сказала:

— А я его тетя.

Она сказала это очень тихо, но фраза прозвучала так громко, что доцент Бумбурян не сдержался и поклонился аудитории.

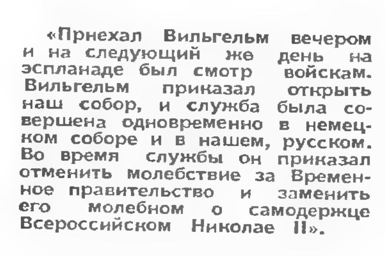

ПЕНА И НАКИПЬ

По страницам буржуазной печати 1917 года

Ник. КРУЖКОВ, К. ЧЕРЕВКОВ

Рисунки В. СОЛОВЬЕВА.

1917 год, глубокая осень. Моросит петроградский дождик, с Финского залива плывут угрюмые тучи, свистит ветер — «ветер, ветер на всем белом свете»...

Надвигаются грозные события, все чувствуют их приближение, все их ожидают: одни — со страхом и трепетом, другие — с радостью и восторгом.

— Господи, пронеси! — говорят одни.

— Пусть сильнее грянет буря! — говорят другие.

...Перед нами комплекты газет и журналов, издававшихся в Петрограде в те дни, когда старый мир ломался надвое, когда громовые раскаты Великого Октября сотрясали устои прежней жизни. В судорогах и корчах умирало старое, в светлых зорях рождалось новое, ранее неслыханное, необычное. Пожелтевшие газетные листы хранят в себе черты этих переломных дней. Сквозь надвинувшуюся новь отчетливо видно искаженное страхом, еще живое, но уже костенеющее лицо уходящей в небытие старой жизни.

25 октября (7 ноября) газета «День» меланхолически известила своих читателей, что

«В четверг 26 октября в первом департаменте сената назначено заседание, на котором принесут присягу новые министры Временного правительства Малянтович, Кишкин, Смирнов, Ливеровский, Гвоздев».

Не состоялось заседание, не приносили присягу последние «временные». 26 октября они оказались в Петропавловской крепости.

Жалкую жизнь вели последние «временные», воображавшие себя властью, а на самом деле давно уже бывшие лишь ничтожной тенью прошлого.

Газета «Копейка» под сердитым заголовком «Безнаказанная наглость» сообщила:

«На-днях в ресторане «Малый Ярославец» один из джентльменов отказался получить сдачу со ста рублей казначейскими знаками 20 и 40-рублевым достоинством, заявив, что знаки эти равносильны своему достоинству — бумажкам от карамели.

Публика запротестовала. В ответ неизвестный джентльмен сказал: «Временное правительство — шайка проходимцев, и денег, выпущенных этим правительством, я принципиально не принимаю».

На требование назвать свое имя, почтенный джентльмен вынул свою визитную карточку и заявил: «Я Арнольд Юргенс, представитель английской фирмы «Армстронг и Компания». И насмешливо добавил: «Я не раз уже называл публично Временное правительство шайкой сволочей»...

За что же так рассердился представитель фирмы «Армстронг» на Временное правительство, казалось бы, столь близкое его душе? Вряд ли можно заподозрить господина Юргенса в большевизме.

В политическом обзоре газеты «Биржевые ведомости» под заголовком «Не тратьте, куме, силы» мы читаем:

«Временному правительству Российской республики предстоит, наконец, решить: довольствуется ли оно пустыми титулами власти или сознает себя действительной властью, ответственной за судьбы государства. Если сознает, оно обязано подавить восстание, в какой бы форме оно ни проявлялось. Если не сознает, оно решительно никому не нужно».

Вот почему господам юргенсам и им подобным не нравилось Временное правительство! Руки коротки у «временных», силенок у них маловато. Царя бы сюда! С Дубасовым, Ренненкампфом, Мином!

Сам император Вильгельм II, царский двоюродный братец, придерживался такой же точки зрения. В заметке «Вильгельм в занятой немцами Риге» мы читаем:

«Приехал Вильгельм вечером и на следующий же день на эспланаде был смотр войскам. Вильгельм приказал открыть наш собор, и служба была совершена одновременно в немецком соборе и в нашем, русском. Во время службы он приказал отменить молебствие за Временное правительство и заменить его молебном о самодержце Всероссийском Николае II».

Но Николай в это время находился, как известно, в Тобольске, опекаемый заботами самого же Временного правительства. Вот что мы читаем в «Петроградской газете» в канун Октября:

«Эвакуация царскосельских дворцов. Беседа с бароном Б. Л. Штенгелем. В Тобольск отправлены ковры, портьеры, электрическая арматура и несколько картин, составлявших личную собственность царя. Посылка ковров объясняется тем, что в губернаторском доме, где поселились Романовы, сильно дует от полов».

Невыразимая тоска по «твердой власти» терзала души тех, у кого земля горела под ногами.

Журнал «Новый Сатирикон» дал Керенскому такой совет:

«Ввиду того, что главу правительства Керенского никто не слушает, хотя он и обращается с воззванием «Всем, всем, всем!», мы предлагаем ему расширить этот способ обращения...

Таким образом, вот как должен составлять Керенский свои воззвания:

«Всем, всем, всем! Товарищи, товарищи, товарищи! Революции, революции, революции, грозит, грозит, грозит, гибель, гибель, гибель. А потому, а потому, а потому, удирайте, удирайте, удирайте в Москву, в Москву, в Москву».

И рядом же под заголовком «Жуткое» описывается одно из последних заседаний «временных»:

«Во время заседания членов Временного правительства в Зимнем дворце, в Малахитовом зале, вошел человек, обратившийся к одному из чиновников с вопросом: «Где здесь можно присесть?» Потом начали спрашивать друг друга, кто этот незнакомец, а так как никто из присутствовавших на заседании его не знал, то все решили, что он попал на заседание Временного правительства по ошибке. Один из министров попросил тогда управляющего делами Временного правительства указать незнакомцу на неуместность присутствия посторонних лиц на заседаниях правительства. На вопрос управляющего делами незнакомец ответил:

— Я новый товарищ министра продовольствия, Орлов.

— Скажите, скажите,— весело отвечали члены Врем. прав., подписывая указ о его отставке,— садитесь, гостем будете...

— Я на большее и не рассчитываю,— хмуро бросил незнакомец».

Государственный корабль, управляемый «временными», трещал по всем швам. Вот что писали «Биржевые ведомости» (утренний выпуск, 26 октября 1917 года):

«Экономическое положение России

Департамент таможенных сборов сообщил министру финансов сведения об экономическом положении России в области внешней торговли. Согласно данным департамента, баланс внешней торговли России представляется чрезвычайно пассивным. В то время как из России вывезено по всем границам всего лишь на сумму — 351.650 тыс. руб. разных товаров, привезено на 2.037.670 тыс. руб. Таким образом, привоз превышает вывоз на 1.686.020 т. руб.».

«Продовольственный кризис в Петрограде

Если в течение ближайших дней нам не будут даны маршрутные поезда, если не получим крупной партии хлеба, то мы остановимся перед катастрофическим положением и выхода из этого положения не будет».

Впрочем, и у «временных» находились друзья. По сообщению тех же «Биржевых ведомостей» от 24 октября:

«правительство США предоставило сегодня России новый заем в размере 31.700.000 долларов».

Как говорится, на всякий случай! На поддержание жизни Керенского и К°. Помощь эта была столь же полезна, как припарки мертвецу.

Однако крысы уже чувствовали приближение неизбежного конца и норовили нырнуть куда-нибудь подальше, забиться в подвал, в погреб. Газеты этих дней пестрят объявлениями и сообщениями такого рода:

«В Иркутск нужно четырехместное купе международного общества в кратчайший срок. Гороховская, 54, кв. 7».

«Представитель заграничной фирмы П. Горвиц платит самые высокие цены за бриллианты, цветные камни, золото, серебро, эмаль, изумруды, старинный фарфор, табакерки, гобелены, гравюры, картины, бронзу и пр.».

«Могу продать сейчас место для фабрики в Харьковской губернии: Мойка, 79, кв. 8».

Впрочем, «солидные» газеты «Новое время», «Речь» делали вид, что решительно ничего не происходит. Какие-то беспорядки, какие-то большевики — всё это преходяще, а вот мы стоим прочно на ногах, и нам на все наплевать. 24 октября «Речь» целую страницу отвела рекламе Ижевского источника, рекомендуя своим подписчикам пить:

«русскую лечебную известково-гипсо-магнезиальную и серо-соляно-углекислую радиоактивную минеральную воду».

Как ни в чем не бывало газеты публикуют могучие балансы банков — Петроградского международного коммерческого, Кавказского, Сибирского торгового. 25 октября «Новое время» сообщило в обычном лапидарном стиле, что:

«Сегодняшнее биржевое собрание открылось не в реализационном настроении. Большинство ценностей оказалось в предложении по значительно пониженным расценкам, особенно резкое падение цен отразилось на металлургической группе. Из отдельных ценностей лучше с Азовским и Волжско-Камским Банками. С государственными фондами и займами малодеятельно».

Конечно, «малодеятельно»! Как-никак, на улицах стреляют.

«День» любезно известил своих читателей, что:

«20 октября все колоссальное производство по делу большевиков, разросшееся до 50 томов, передано прокурору для составления обвинительного акта, каковое возложено на прокурора палаты Б. С. Репнинского».

Но надежда на прокуроров Временного правительства все же плоха. «День» знает и другие способы борьбы с «проклятыми большевиками». Вот один из таких способов:

«В театральной комиссии 171 пехотного полка возникла мысль в случае выступления большевиков вывести на улицы Петрограда все полковые оркестры, которые будут беспрерывно играть Марсельезу и марши. По мнению театральной комиссии, такая мера должна превратить все выступление в мирную демонстрацию».

...Восставший народ штурмовал Зимний, в Смольном днем и ночью заседал штаб революции, весь рабочий Питер был на ногах. Октябрь подобно вихрю ворвался на улицы столицы. Газеты же продолжали сообщать, что «в «Невском фарсе» сегодня и ежедневно знаменитый фарс «Фиговый листок», что «популярная хиромантка П. А. Степанова гадает поразительно верно по линиям рук, на картах и на воде», что какой-то Горев, проживающий на Смоленской, в доме № 3/5, кв. 71, «ищет знакомства среди обеспеченных вдов и девиц, цель — брак».

Горев не одинок. Один болван разразился в «Петроградской газете» 24 октября целым патетическим воззванием:

«Девицы! Не осуждайте, а выслушайте: я инженер, лютеранин, 33 л., серьезен, много путешествовал и боролся за свое существование, создал себе видное положение и ныне зарабатываю на постоянной службе 15.000 руб. в год. Уверенный в дальнейшем успехе, я решил создать себе семейный очаг. Потеряв, благодаря переживаемому времени, лучший круг своего общества, решаюсь путем настоящей публикации познакомиться с красивой девицей не старше 23 лет, с отзывчивым, жизнерадостным характером и искренними стремлениями к красивой жизни. Отвечу только на серьезные откровенные закрытые письма. Невский 13. Соковичу».

Но на другой день уже бушевали такие ветры, которые навсегда вымели грязную пену и накипь прежней, по мнению Соковича, «красивой жизни».

25 октября волею народа объявлено было «временным», что их время кончилось.

Бульварный журнал «Всемирный юмор» отозвался на это событие тем, что изобразил полуголую даму, кокетливо восклицающую:

«Ах, смотрите, смотрите на меня масляными глазами, а то у нас в Петрограде масло редкость, а я по нем стосковалась».

Вот уж поистине юмор бревна! Впрочем, из этого следует, что буржуазии было не до смеха.

* * *

Пена и накипь старой жизни давно смыты кипучими водами революции. Канули в пучину небытия смешные и страшные рожи российской дореволюционной действительности. Где-то на эмигрантских помойках доживают свой век те, кто когда-то царил и властвовал, угнетал и обманывал, крал и расхищал, доживают чуть тепленькие, попахивающие трупцем. Нет-нет да и засмердит откуда-нибудь из-за океана. «Эге,— говорим мы, — жив еще курилка!»

Порыжели и поистерлись комплекты старых газет, но когда перелистываешь их страницы, то отчетливо ощущаешь тлен: уже и тогда гнило то, что еще казалось живым. Народ развеял в прах все старье, отшвырнул в сторону хлам и нечисть. Воздух нашей Родины стал чистым, прозрачным, радостно и легко дышится в нашей стране. И это понимаешь особенно явственно, когда вглядываешься в черты старого, мерзкого, ушедшего навсегда.

Фото Б. Чистякова.

МАКЕТ КРЕМЛЯ

В Государственном музее Казахской ССР выставлен макет Московского Кремля и Красной площади. Вот знакомые всем кремлевские дворцы и соборы. Мавзолей, Василий Блаженный, памятник Минину и Пожарскому. Золотом блестят купола, сверкают красные звезды башен. Автор экспоната — пенсионер Г. В. Соболев. Над созданием макета Герман Владимирович трудился более десяти лет.

— Все это сделано из гипса, фанеры, картона, алюминия,— рассказывает Соболев.

— Вы, должно быть, каждое кремлевское сооружение сто раз обошли и обмерили?

— Да нет, я был в Москве только в дни ее обороны, а потом прямо с фронта. Тогда и родилась мысль создать этот макет. А мои помощники — книги.

В огромной папке свыше пятисот чертежей, сделанных мастером, тетради с математическими расчетами. Каждое сооружение уменьшено ровно в 165 раз и выполнено очень точно и искусно. В книге отзывов музея появилось много записей, в которых алмаатинцы благодарят мастера.

С. ШУТОВ

Финики в кинотеатре

Два высоких застекленных зала фойе астраханского кинотеатра «Октябрь» похожи на оранжерею. Огромный фикус, пальмы и множество других растений составляют своеобразный ботанический сад. Более тридцати лет за ним ухаживает садовник Халиль Минулович Маликов. В этом году его труд привел к успеху: самая большая финиковая пальма впервые дала плоды.

Ю. КРИВОНОСОВ

Яблоко-цыпленок

Оригинальное яблоко выросло в нашем саду. Оно напоминает цыпленка, у которого, пожалуй, не на месте только хвост.

Г. и К. ПОЛЯКОВЫ

Рыльск.

Тюлень на катере

Катер «Камелес» привел на рыбозавод № 1 комбината имени Кирова плашкоут с горючим и стал на рейд. Моряки расположились на отдых. Следить за берегом и сигналами было поручено матросу Николаю Воробьеву. Выйдя из кубрика, он увидел необычного пассажира: на корме лежал огромный сивуч, разбросав в стороны свои ласты. Вахтенный вызвал команду. Механик катера Владимир Кузьменко, заядлый охотник, выстрелил в животное. Сивуч издал несколько трубных звуков, попытался выброситься за борт, но выстрелом из второго ствола Кузьменко добил его.

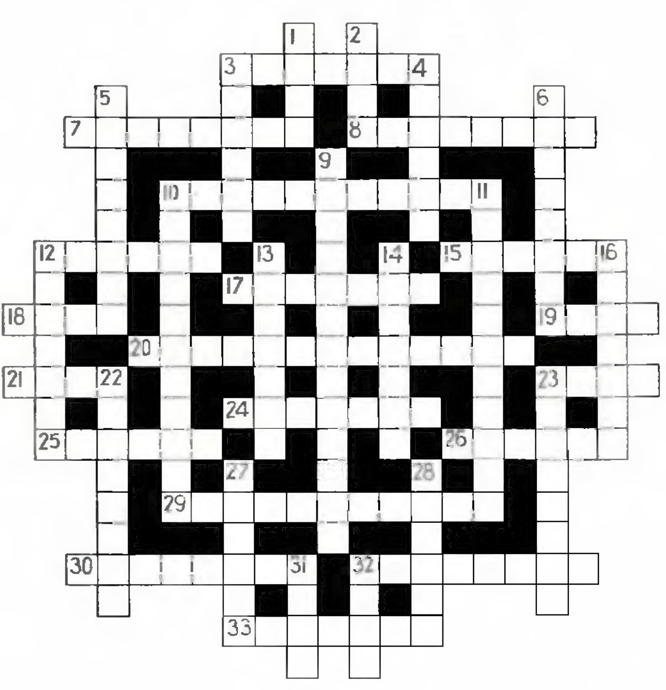
Сивуч, или ушастый тюлень, в этих широтах Охотского моря встречается редко. Обычно он обитает в северной части Тихого океана. Привычка отдыхать на плавучих льдинах заставила его забраться на катер.

В. ВРОНСКИЙ

Село Соболево,
Камчатской области.

На вкладках этого номера — репродукции картин В. Золотавина «Апрель 1917 г.», Д. Свешникова «Хозяин тундры», К. Фролова «Колхозные частушки», В. Родионова и Н. Родионовой «В мастерской художников текстильного рисунка» и четыре страницы цветных фотографий.

КРОССВОРД

По горизонтали:

3. Громкоговоритель. 7. Учебное заведение. 8. Стихотворение, в котором начальные буквы строк составляют слово или фразу. 10. Травянистое растение с лиловыми или голубыми цветками. 12. Весовая денежная единица в древней Руси. 15. Фламандский живописец. 17. Оконная занавеска. 18. Произведение М. Горького. 19. Путевая мера расстояний. 20. Устройство для превращения твердого топлива в газообразное. 21. Составная часть животной и растительной клетки. 23. Площадка для бокса. 24. Остров в Средиземном море. 25. Месяц. 26. Жанр народного творчества. 29. Русский живописец, мастер морского пейзажа. 30. Музыкальное произведение для оркестра. 32. Баллада В. А. Жуковского. 33. Руда для получения бария и его солей.

По вертикали:

1. Ценный пушной зверь. 2. Приток Алдана. 3. Подробность. 4. Порт на Аравийском море. 5. Заключительная фаза шахматной партии. 6. Материал для покрытия полов. 9. Персонаж пьесы В. Маяковского «Баня». 10. Талон, заменяющий билет. 11. Польский писатель и общественный деятель. 12. Провинция на юге Китая. 13. Роман А. Фадеева. 14. Перерыв между действиями спектакля. 16. Река в Забайкалье. 22. Одно из пяти чувств. 23. Ответное звучание одного из двух тел, настроенных в унисон. 27. Советский ученый-животновод. 28. Ударение в слове. 31. Спортивно-прогулочное судно. 32. Химический элемент.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 43

По горизонтали:

5. Финляндия. 8. Пони. 9. Репс. 11. Апофема. 13. Глагол. 15. Жасмин. 17. «Льгов». 19. Тбилиси. 20. Апофеоз. 21. Атакама. 22. Условие. 23. Нулин. 26. Роллан. 29. Значок. 31. Америка. 32. Амур. 33. Слон. 34. «Наливайко».

По вертикали:

1. Филиал. 2. Алаколь. 3. «Анджело». 4. Витраж. 6. Гонг. 7. Эпос. 10. Альбатрос. 12. Тихомиров. 14. Орисава. 16. Аполлон. 17. Лиман. 18. Валун. 24. Усердие. 25. Ишимбай. 27. Лимб. 28. Нарзан. 29. Засека. 30. Азот.

Клад нашли дети

На окраине эстонского города Кохтла-Ярве трактор распахивал огородное поле. За ним бегали дети шахтера Метсиса. Вдруг четырехлетний Вello заметил в борозде какой-то металлический предмет. Это была круглая медная коробка, покрытая зеленью. Мальчик пробовал поднять коробку, но она была тяжелой.

На помощь прибежал старший брат, а затем и тракторист. С трудом открыли тугую крышку. В коробке оказалось более 700 старинных серебряных монет. Там были немецкие, византийские, англо-саксонские и другие денежные знаки на серебре.

Находка передана в Исторический музей Академии наук Эстонской ССР. Ученые полагают, что монеты относятся к XI веку.

К. БЕЛОВ

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ. Редакционная коллегия: В. Ф. БАРЫКИН, А. С. ВАРШАВСКИЙ, Н. Н. КРУЖКОВ, Л. А. КУДРЕВАТЫХ (зам. главного редактора), Л. М. ЛЕРОВ, Е. Н. ЛОГИНОВА, Т. З. СЕМУШКИН, И. А. УРАЗОВ.

Адрес редакции: Москва, Д-47, ул. «Правды», 24. Рукописи не возвращаются. Оформление И. Уразова.

Телефоны отделов редакции: Секретариат — Д 3-38-61; Отделы: Внутренней жизни — Д 3-39-07; Международный — Д 3-38-63; Искусств — Д 3-38-67; Литературы — Д 3-31-83; Библиографии — Д 3-38-26; Науки и техники — Д 3-38-65; Юмора и сатиры — Д 3-32-13; Спорта — Д 3-32-67; Фото — Д 3-35-48; Оформления — Д 3-38-44; Писем — Д 3-36-28; Литературных приложений — Д 3-30-39.

А 10003. Подписано к печати 23 X 1957 г. Формат бум. 70×108¹/₈. 2,5 бум. л. — 6,85 печ. л. Тираж 1 200 000. Изд. № 1284. Заказ № 2638.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени И. В. Сталина. Москва, Д-47, ул. «Правды», 24.

Ленинградская область. Озеро Разлив, вблизи которого находится исторический памятник — шалаш В. И. Ленина.

Фото Б. Уткина.

